

Письма А. И. Герцена къ дочери

ПРЕДИСЛОВІЕ.

12 сентября 1936 г. скончалась въ Лозаннѣ въ преклонномъ возрастѣ — почти 92 лѣтъ — старшая дочь Герцена, Наталья Александровна, женщина выдающаяся по уму и душевнымъ качествамъ, пользовавшаяся общимъ уваженіемъ и любовью ее знавшихъ. Духовно наиболее близкая отцу, Наталья Александровна была послѣ его смерти естественной хранительницей и распорядительницей обширнаго и цѣннѣйшаго архива Герцена. Памятный многимъ русскимъ домъ Blanc Castel на Avenue Flodmont въ Лозаннѣ, въ которомъ Наталья Александровна почти безвыѣздно прожила болѣе тридцати лѣтъ (съ 1905 по 1936 г.), привлекалъ къ себѣ не только обаятельной личностью дочери Герцена, — это былъ въ то же время и подлинный музей самого Герцена. Здѣсь все было проникнуто особой «герценовской» атмосферой, овяяно романтикой «Былого и Думъ»: по стѣнамъ — семейные портреты, въ томъ числѣ родителей Герцена, И. А. Яковлева и Л. И. Гаагъ, самого Герцена, одинъ работы художника Н. Ге, другой — одновременно написанный Натальей Александровной; ея же кисти портрет Терезы Герцень, жены А. А. Герцена; картина художника Боголюбова, изображающая символическій «Колоколь»; на столѣ — чернильница Герцена, и пр. Вдали отъ взоровъ постороннихъ сохранялись реликвіи особаго рода: выщѣпшіе дагерротипы сына Герцена Коля и его гувернера Шпильмана, погибшихъ, вмѣстѣ съ матерью Герцена, во время кораблекрушенія въ 1851 г.; посмертная маска Герцена; папонецъ, вещь потрясающей трагической силы — набросокъ акварелью, изображающей жену Герцена, Наталью Александровну, тогдашнюю послѣ кончины (2 мая 1852 г.), на смертномъ ложѣ, усыпанномъ цвѣтами...

Но главной цѣнностью собранія въ Blanc Castel было, конечно, хранившееся тамъ литературное наслѣдство Герцена, представлявшее собой совершенно исключительную по богатству коллекцію рукописей и писемъ. Даже послѣ того, какъ съ разрѣшенія Натальи Александровны М. К. Лемке широко использовалъ семейный архивъ для своего 22-томнаго собранія сочиненій и писемъ Герцена (гдѣ впервые были опубликованы и V томъ «Былого и Думъ»), имѣются всѣ основанія полагать, что среди множества рукописныхъ матеріаловъ, на-

ходившихся въ Blanc Castel), осталось немалое количество еще не опубликованной до настоящаго времени переписки Герцена, которой хватало бы, вѣроятно, не на одинъ дополнительный томъ. Какова будетъ судьба этого драгоценнаго собранія — сейчасъ трудно сказать. Можно только горячо пожелать, чтобы въ будущемъ литературное наслѣдство Герцена, послѣ неизбежнаго въ современныхъ условияхъ его распыленія, было вновь собрано для храненія тамъ, гдѣ ему естественно быть надлежитъ — въ свободной Россіи.

Печатаемая здѣсь неизданныя письма Герцена къ его дочери Натальѣ Александровнѣ являются частью архива Герцена, перешедшаго по наслѣдству отъ Натальи Александровны къ ея сестрѣ, младшей дочери Герцена, Ольгѣ Александровнѣ Моно. Письма эти относятся къ годамъ 1867-1869, послѣднимъ въ жизни Герцена (†21 янв. 1870 г.). Почему Наталья Александровна, предоставляя въ свое время Лемке пользованіе архивомъ, не сочла возможнымъ сообщить ему эти письма, — мы не знаемъ: въ соответствующихъ томахъ его изданія имѣется всего лишь одно письмо Герцена къ дочери Натальѣ Александровнѣ, относящееся къ этой эпохѣ. Лемке знать, конечно, о существованіи оставшихся ему недоступными этихъ и другихъ писемъ Герцена. Недаромъ въ одномъ изъ примѣчаній въ XXI томѣ своего вышедшаго въ свѣтъ уже при большевикахъ изданія онъ какъ бы указываетъ — въ формѣ осторожной и совѣтски-вѣрнопопданнической — на этотъ пробѣлъ эмиграции: «Надо надѣяться, что теперь, когда на Западѣ живетъ масса русской интеллигенціи безъ всякаго дѣла, найдутся люди, которые сумѣютъ, хотя бы въ пику Совѣтской Россіи, освѣтить заграничную жизнь А. И. Герцена за послѣдніе 5-6 лѣтъ».

У насъ, чтущихъ дорогую намъ память Герцена, достаточно собственныхъ мотивовъ заботиться о сохраненіи для Россіи каждой строки имъ написанной. Возможностью опубликованія въ «Совр. Запискахъ» большаго количества (всего 66) до сихъ поръ неизвѣстныхъ писемъ Герцена и тѣмъ пріобщенія ихъ къ обширному Негзепіана, ранѣе изданному въ Россіи трудамъ Гершензона, Лемке и др., мы всецѣло обязаны сочувственному отношенію къ нашей задачѣ дочери Герцена Ольги Александровны Моно и внучки Герцена г-жи Жермень Ристъ. Считаемо своимъ долгомъ высказать имъ здѣсь за нашу глубокую благодарность.

Немалый трудъ по расшифрованію и перепискѣ съ оригиналовъ писемъ Герцена выполненъ А. Ф. Родичевой. Примѣчанія и комментарии подъ текстомъ принадлежать пишущему эти строки.

Годы 1867-1869, послѣдніе годы жизни Герцена, отмѣчены печатью особаго трагизма. Судьба и раньше не скупилась на тяжкіе удары своему избраннику. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на его жизненномъ пути Герцену дано было извѣдать и яркое личное счастье, и преданную дружбу лучшихъ изъ современниковъ, а въ литературной и политической дѣятельности его встрѣчали общее признаніе и гром-

кая слава. «Закатъ» Герцена начался раньше, чѣмъ потеряли какой-либо ущербъ его могучія творческія силы, а конецъ жизни проходить для него подъ знакомъ крушенія всѣхъ надеждъ, общественныхъ и личныхъ, и гнетущаго одиночества. «Не жду ничего лутнаго и въ этомъ году», — писалъ онъ Огареву 1 янв. 1867 г. «Есть особенно горькое чувство — сознание, что жизнь уходитъ, что человекъ могъ бы быть свѣтлымъ и освѣщать... могъ бы жить не только *schwärmerisch* въ фантазіи, но дѣятельно на большой сценѣ — знать это и чувствовать, что попалъ въ какую-то мышеловку и дверь захлопнута... Это можетъ довести до отчаянія. Припомнимъ, что Герцену, когда онъ писалъ эти строки, еще не исполнилось 55 лѣтъ, что тѣмъ же блескомъ отличаются написанныя имъ въ эту эпоху статьи въ «Колоколѣ», главы изъ «Былого и Думъ», «Aphorismata Тита Левіаанскаго» и совсѣмъ незадолго до смерти — замѣчательныя «Письма къ старому товарищу» (Бакунину). Причины душевной подавленности надо искать въ самого Герцена, — въ измѣнившихся для него условіяхъ общественной дѣятельности и въ мучительно-сложной семейной жизни.

Герценъ не могъ не переживать тяжело утрату своего вліянія въ Россіи, которымъ онъ заслуженно пользовался еще недавно, въ годы 1856-1862. Провозглашенная имъ въ № 1 «Колокола» программа «освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ, слова — отъ цензуры, подданаго сословія — отъ побоевъ» цѣлкомъ отбѣтила жаждѣ обновленія, которой была охвачена тогда вся Россія. Отсюда безпримѣрный успѣхъ «Колокола» и высокій моральный авторитетъ Герцена въ Россіи, повсюду — въ императорскомъ дворцѣ, въ комитетахъ по подготовкѣ земельной реформы, въ массѣ русской интеллигенціи. Свободное пламенное слово Герцена, обращенное къ разуму и совѣсти всѣхъ, вызывало энтузіазмъ. Кавелинъ «плакалъ надъ его статьями, зналъ ихъ наизусть», Шевченко, впервые послѣ ссылки увидѣвшій газету Герцена, «поцѣловалъ ее благоговѣнно». Даже враги, какъ Катковъ, не могли не признавать: «Колоколъ — власть въ Россіи». За границу въ «Колоколѣ» шелъ потокъ корреспонденцій, къ Герцену таянулись вереницы паломниковъ.

Сейчасъ, въ 1867 году, все это было уже въ прошломъ. Причинъ утраты Герценомъ его исключительнаго положенія было нѣсколько. Прежде всего, осуществленіе, хотя бы и въ урѣзанномъ видѣ, крестьянской реформы и постепенное смягченіе цензурныхъ условій для печати въ самой Россіи, вообще значительно ослабляли надобность въ такомъ органѣ, какъ зарубежный «Колоколъ». Еще болѣе отразился на руководящей роли «Колокола» произошедшій послѣ 19 февраля распадъ былаго единства въ прогрессивномъ лагерѣ: въ то время какъ «отцы» были склонны удовлетвориться достигнутымъ и уйти въ органическую работу, вѣри обѣщаніямъ правительства, — болѣе, нетерпѣливыя «дѣти», подъ впечатлѣніемъ берущей въ правительствѣ верхъ реакціи, уже ставили въ порядокъ дня политическую и социальную революцію. Герценъ, не способный по широтѣ

своего міросозерцанія примкнуть полностью ни къ одному изъ разошедшихся фланговъ, оказывался равно чужимъ и для прежнихъ своихъ друзей либераловъ, и для революціонной молодежи. Окончательный же удар популярности Герцена въ Россіи нанесла принятая имъ въ 1863 г., подъ влияніемъ Бакунина и Огарева, позиція въ польскомъ вопросѣ, ошибочность которой онъ самъ впоследствии признавалъ. Увлеченный сочувствіемъ къ поработанному народу, Герценъ далъ обойти себя польскимъ делегатамъ, согласившимся поддержать въ «Колоколѣ» ихъ далеко, по тому времени, шедшія требованія, въ томъ числѣ претензіи на возстановленіе Польши въ такъ наз. «историческихкихъ» границахъ 1770 г., т. е. съ отторженіемъ отъ Россіи украинскихъ и литовскихъ областей. Умѣло использованная реакціонной печатью, ошибка эта оттолкнула отъ Герцена широкіе круги русскаго и украинскаго общества.

Въ результатъ всего этого — гибель «Колокола», тяжело пережитая Герценомъ, для котораго съ журналомъ было связано столько героическихкихъ воспоминаній и столько еще несбывшихся надеждъ. Перенесенный въ 1865 г. въ Женеву, «Колоколъ» вовсе захирѣлъ: прекратился притокъ корреспонденцій, совсѣмъ исчезъ спросъ на журналъ въ Россіи. Въ июлѣ 1867 г., въ десятую годовщину съ основанія, «Колоколъ» пришлось закрыть. Безнадежная оказалась и попытка выпускать взамѣнъ французское изданіе, — «чтобы говорить не съ Россіей, а о Россіи — Западу»: ему также суждено погнѣбнуть отъ всеобщаго равнодушія. Въ послѣднемъ его номерѣ, вышедшемъ осенью 1868 г., Герценъ открыто признаетъ свое поражение: «Наша мельница остановилась, ручьи текутъ въ другомъ направленіи... Новое поколѣніе идетъ своимъ путемъ, оно не нуждается въ нашихъ словахъ, оно достигло совершеннолѣтія и знаетъ это».

Новое поколѣніе. — это уже идущіе на смѣну идеалистамъ и романтикамъ 40-хъ годовъ реалисты шестидесятники, «разночинцы», убѣжденные революціонеры. Разрывъ между Герценомъ и учениками Чернышевскаго произошелъ въ началѣ 60-хъ годовъ въ самой Россіи. Прохламація «Молодой Россіи» свисока третируетъ «либеральничашаго» Герцена за его «отвращеніе къ кровавымъ дѣйствіямъ, которыми одними можно что-либо сдѣлать» и порываетъ съ нимъ отъ имени «республиканской» партіи (въ которой, кстати, было всего три челоѣка). Съ представителями, очевидно, не изъ лучшихъ, этого новаго поколѣнія Герцену пришлось столкнуться въ Женевѣ. Несмотря на искреннія попытки Герцена сойтись съ ними, женевская группа молодыхъ эмигрантовъ (Элпидинъ, бр. Утины, А. Серно-Соловьевичъ, Николадзе и др.) относились къ нему съ явной враждебностью. Правда, культурный и моральный уровень ихъ былъ не высокъ. «За весьма рѣдкими исключеніями это были люди крайне раздраженные, озлобленные на все и на всѣхъ, они ссорились между собой безъ всякой причины, занимались мелкими интригами и пр.» — такъ характеризовалъ ихъ старый эмигрантъ Г. Н. Вырубовъ, — чтобы не цитировать болѣе рѣзкихъ отзывовъ о нихъ раздраженнаго Герцена.

Его самого молодые эмигранты считали, разумеется, безнадежно «отстадымъ». Требовали отъ него передачи ихъ «коллективу» редакторванія «Колокола», а также распоряженія такъ наз. Бахметьевскимъ фондомъ; отдѣльные изъ нихъ не останавливались и передъ шантажированіемъ Герцена. Этой средѣ, конечно, былъ ближе по духу фанатикъ Нечасъ, появившійся въ тѣ годы на женевскомъ горизонтѣ, чѣмъ гуманный идеалистъ Герценъ. Но и зная имъ цѣну, Герценъ все же болѣзненно переживалъ свой отрывъ отъ молодого поколѣнія. Къ тому же и старые его товарищи — не только Бакунины, который никогда не былъ ему до конца близокъ, но и другъ юности Огаревъ — все болѣе ориентировались на крайнія радикальныя настроенія въ Россіи. Герценъ оставался въ общественномъ отношеніи совершенно одинокъ.

Для Герцена всю жизнь служеніе идеѣ, человѣчеству, Россіи было на первомъ планѣ, и лишь на второмъ стояла личная жизнь, семья. Теперь, когда окончательно рушилась связь съ Россіей, естественно обострялась у него жажда семейнаго покоя и гармоніи — давали къ тому же себя знать и жизненная усталость, и приближеніе старости, и обнаружившаяся въ 1867 г. болѣзнь, диабетъ, сведшая его черезъ два съ половиною года въ могилу. Все чаще въ письмахъ къ Огареву онъ жалуется на «дрянную, узкую, неустроенную жизнь», на тоску по «своей» комнатѣ, книгамъ, столу. «Ты не повѣришь, какъ я усталъ отъ вагабондажа, но гдѣ обѣсть? Домъ бы, домъ поудобнѣе, съ полемъ — и на отдыхъ» (1868). О непрерывности этого вынужденнаго бродяжничества можетъ дать представленіе хотя бы календарь передвиженій Герцена. Вотъ, напр., смѣна мѣстъ его жительства въ 1867 г.: январь — Ницца, февраль — Флоренція, мартъ — Ницца, апрѣль-июнь — Женева, июль-сентябрь — Ницца, октябрь — Женева, Ницца, ноябрь — Флоренція, декабрь — Флоренція, Ницца. То же происходило и въ 1868-1869 гг.: съ конца 1864 г. я не могу нигдѣ пристроиться», жалуется онъ.

Это указаніе на 1864 г., какъ начало скитальческой жизни, не случайно: именно въ этомъ году окончательно распалась кое-какъ до того державшаяся семья Герцена и три упомянутыхъ выше пункта его «осѣлости», Ницца, Женева и Флоренція, — это преимущественное въ тѣ годы мѣстопребываніе трехъ осколковъ семьи, которые Герценъ до конца жизни мучительно, но тщетно все старался какъ-нибудь скленть.

Мы не можемъ здѣсь пытаться даже въ сжатомъ видѣ разсказать исторію личной и семейной жизни Герцена, какъ она сложилась послѣ 1852 г., — этой большой и сложной темы трудно касаться мимоходомъ. Ограничимся лишь самой краткой схемой, чтобы только напомнить читателямъ печатаемыхъ ниже писемъ роль главныхъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ. Въ примѣчаніяхъ подъ текстомъ писемъ приведены, въ нужныхъ случаяхъ, дополнительныя свѣдѣнія и выдержки изъ документовъ.

Роковыя событія 1851-1852 г. явились гранью, расколовшей на-

двое личную и семейную жизнь Герцена. Въ эти годы обрушились на него одинъ за другимъ три страшныхъ удара: личная драма его съ женой, гибель въ морѣ его матери и маленькаго сына Коля, и, наконецъ смерть самой Натальи Александровны. Это было время, когда, казаюсь, «все рухнуло — общее и частное, европейская революція и домашній кровъ, свобода міра и личное счастье».

Прошло пять лѣтъ: «Общее» еще разъ улыбулось Герцену, — въ начавшемся обновленіи Россіи ему выпала огромная историческая роль. Но частное, личное — обернулось злымъ миражемъ, отравляющимъ жестокими страданіями остальную жизнь ему самому и близкимъ ему людямъ: Въ 1856 г. къ нему въ Лондонъ пріѣхали изъ Россіи Огаревъ съ женой Натальей Алексѣевной, урожденной Тучковой. Н. А. Огарева, равнше близкая съ покойной женой Герцена, ѣхала съ твердымъ намѣреніемъ — замѣнить мать его дѣтямъ. Сложилось все иначе. Внезапно вспыхнувшее у Огаревой страстное чувство къ Герцену, на которое тотъ имѣлъ слабость отвѣтить, явилось причиной катастрофы; мучительный, ревнивый и необузданный характеръ Огаревой сдѣлалъ особенно гибельными ея послѣдствія для всѣхъ.

Пострадали прежде всего ни въ чемъ неповинны дѣти. Ревнуя Герцена къ нимъ, Огарева проникается болѣзненной неприязнью къ дѣтямъ. Совмѣстная жизнь Герцена съ ними становится невозможной, особенно послѣ того, какъ у Огаревой родился (въ 1858 г.) отъ Герцена свой ребенокъ, дочь Лиза. Старшаго, уже юношу, Александра, пришлось отправить въ Швейцарію, двухъ младшихъ, дѣвочекъ Тату и Ольгу, Герценъ поручилъ ихъ воспитательницѣ и своему другу Мальвидѣ Мейзенбургъ. Въ свою очередь, Огаревъ, великодушно устранившійся и мечтавшій сохранить братскія отношенія съ Герценомъ и Н. А., тоже вынужденъ былъ отдалиться, изъ-за ревности Н. А. къ его дружбѣ съ Герценомъ. Оскорбленный въ лучшихъ чувствахъ, ямученный, Огаревъ селится отдѣльно, онъ все чаще ищетъ забвѣнія въ винѣ; въ своихъ скитаніяхъ онъ встрѣчается съ вѣковой М. Сутерландъ, дѣвушкой съ улицы, и въ концѣ концовъ сходитъ съ нею.

Но несчастна и сама Огарева. Она отдаетъ себѣ отчетъ, что въ въ чувствѣ Герцена къ ней нѣтъ подлинной любви, какая была у него къ покойной женѣ; сознаетъ она и все зло, причиненное ею Герцену, его дѣтямъ, Огареву, но не можетъ справиться съ владычицами ея темными страстями или быть можетъ душевными недугомъ: «Я ядъ, я вредъ, я зло жизни — смерть, смерть, простираю руки къ тебѣ, какъ къ единственной защитницѣ, — помоги, успокой меня, усыли меня» (Дневн. 1858 г.). Самъ Герценъ давно, вѣроятно съ первыхъ же дней, понавляя свою роковую ошибку, но сознаніе своей вины, чувство жалости къ Огаревой и страстная любовь къ дочери Лизѣ заставляютъ его мириться съ невыносимымъ положеніемъ.

Перенесемся теперь къ 1867-му году. Лондонъ уже оставленъ, типографія Герцена и «Колоколъ» перенесены въ Женеву. Жизнь пре-

жде единой семьи Герцена и Огарева теперь протекает по тремъ русламъ. Самъ Герценъ съ Огаревой и Лизой обосновался въ Ниццѣ. Лизѣ уже 9 лѣтъ, она считаетъ себя дочерью Огарева, а Герцена зоветъ «дядей». Огаревъ, изъ-за «Болокола», поселился подъ Женевою, вмѣстѣ съ М. Сутерландъ и ея сыномъ Генри. Съ ними живетъ гакже четьрехлѣтній Тутсъ (Александръ), сынъ Ал. Герцена отъ связи съ Ш. Гетсонъ, англичанкой, — въ 1867 г. трагически покончившей съ собой въ Женевѣ. Наконецъ, во Флоренціи живутъ старшія дѣти Герцена, Александръ, 28 лѣтъ, Наталья, 23 л. и Ольга, 17 л., вмѣстѣ съ воспитательницей Ольги, М. Мейзенбургъ, замѣнившей ей мать. Ольга еще ничего не знаетъ о семейной драмѣ.

Отношенія между Герценомъ и Огаревой попрежнему мучительны. Подозрѣвая всѣхъ во враждебномъ къ себѣ отношеніи, она въ дѣйствительныхъ или мнимыхъ страданіяхъ находитъ поводъ терзать другихъ: «несчастнѣйшее существо, забивающее себѣ иглки подъ ногти, чтобы обвинить другихъ въ боли», говоритъ о ней Герценъ. А между тѣмъ она по своему горячо любила Герцена, и была способна на добрые порывы, — самоотверженно, напр., ухаживала за Татой во время тяжелыхъ ея заболѣваній, заботилась объ Огаревѣ. Но какъ ни скромны были желанія Герцена: «немного досуга мысли, немного гармоніи вокругъ, покоя, этого *poli me tangere* устали и старости», — домашняго покоя и гармоніи онъ такъ и не узналъ до конца. Часто, возвращаясь изъ побывки у дѣтей въ Ниццу, ѣдетъ туда «какъ на казнь». Впрочемъ, и самъ видитъ въ настроеніи своей семейной жизни возмездіе за прошлое: «Зачѣмъ я, зная по страшній исторіи 1851-1852, дерзко и необдуманно бросаюсь на увлеченіе? Зачѣмъ не пожалѣлъ дѣтей? За это я униженъ и страдаю». «Надо было доносить трауръ 1852 г. ...какъ месть за безхарактерность, меня преслѣдуетъ ненависть Н. къ дѣтямъ покойницы. Выхода нѣтъ» (1857).

Какъ ни печальна роль, которую суждено было сыграть Н. А. Огаревой въ жизни Герцена и его семьи, было бы несправедливо на нее одну возлагать за все отвѣтственность. Страданія же, которыми она искупала свою вину, кажется, превышаютъ все, что пришлось испытать остальнымъ. Ея несчастія не окончились съ потерей Герцена. Уже послѣ смерти его, ее ожидалъ страшный ударъ: погибла въ 1875 г., покончивъ жизнь самоубійствомъ, дочь Лиза; и впереди предстояло еще мучительно долго нести бремя тяжелыхъ воспоминаній и новыхъ ударовъ судьбы (†1913 г.).

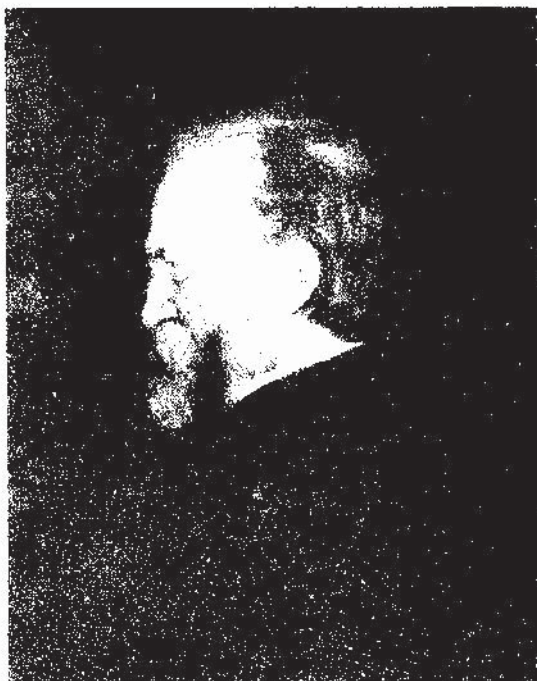
Въ заключеніе нѣсколько словъ о той, кому адресованы эти письма.

Герценъ, прекрасный семьянинъ, горячо любилъ своихъ дѣтей, всѣхъ одинаково, какъ Лизу, такъ и старшихъ, не дѣлая между ними въ своемъ отношеніи никакой разницы. Это не мѣшало ему однако неодинаково оцѣнивать ихъ характеры. Старшая дочь, Тата, въ его глазахъ «самое свѣтлое и прекрасное существо изъ всей семьи»

въ ней онъ находилъ наибольшее духовное сходство съ покойной женой. Несмотря на свою смолодость и шероховатость, она ближе всѣхъ подошла къ отцу въ послѣдніе годы, понимала всю тяжесть его положенія и, какъ могла, старалась облегчить его: терпѣливо сносила неровности характера Огаревой, пыталась привязать къ себѣ Лизу. Неудача была не по ея винѣ. Съ другой стороны, видя въ Татѣ задатки собственной талантливости, онъ возлагалъ на нее большія надежды, мечтая о томъ, что она вернется въ Россію и тамъ продолжить его дѣло. Онъ особенно цѣнилъ въ Татѣ ея «русскость», утрату которой съ глубокимъ огорченіемъ наблюдалъ у другихъ дѣтей. Онъ не только любилъ Тату, но и вѣрилъ въ ея будущее. Вотъ почему было для него поистинѣ ужаснымъ ударомъ, несомнѣнно подорвавшимъ его послѣднія силы и ускорявшимъ кончину, какое-то психическое заболѣваніе, къ счастью, кратковременное, случившееся съ Татой въ концѣ 1869 г.: помимо естественнаго безпокойства за здоровье дочери, оно колебало его вѣру въ ея назначеніе. Холоднымъ отчаяніемъ проникнуто его письмо къ Огареву по этому поводу: «Мнѣ страшно, саго шію... Знаю, что теперь наконецъ я — прошедшае... Все идетъ, какъ шестерка лошадей, привязанныхъ къ дышлу, но безъ возжей, что иногда закрываю глаза. Я пью, и жалѣю, что не могу пить какъ ты». Герценъ умеръ (21 янв. 1870 г.), когда Тата еще не совсѣмъ оправилась отъ болѣзни.

Наталѣ Александровнѣ не было суждено осуществить надежду Герцена на ея возвращеніе въ Россію, — всю свою жизнь она провела за границей. Но и здѣсь, ставши добрымъ гениемъ двухъ поколѣній молодыхъ Герценовъ, неизмѣнно стараясь внести больше гармоніи и покоя въ обширную семью, Нат. Александровна, всѣми любимая « tante Tata », въ какомъ-то смыслѣ тоже выполняла завѣтъ ея отца.

В. Рудневъ.

А. И. Герценъ
Съ портрета 1857 г. работы его дочери
Наташи Александровны

1867-й годъ.

Всѣмъ. 1867. 22 февраля.

Albergo Reale.

Венеція, пятница.

Нѣтъ карты, которая лучше бы, нагляднѣе передавала Венецію, какъ та, что на этомъ листѣ, — большія зданья на маленькихъ прессъ-папье, опущенныхъ въ воду.

Суббота.

На этомъ мнѣ помѣшали русскіе сосѣди, которые очень хорошіе люди и одинъ знаетъ Тату и видѣлъ даже ея копію съ Тиціана въ Римѣ. Сынъ поэта Жуковского. А между тѣмъ при-

шло письмо съ описаньем бала. Изрѣдка, несмотря на Гюго, не Виктора, а Шифа ¹⁾, можно (...) ^{1а)}.

Здѣсь карнавалъ растеть не по днямъ, а по часамъ, — толпы, маски, прыгаютъ, иногда дерутся, но все видѣтъ еще ничего, скорѣе глупо.

Завтра и въ среду — самые рѣшительные дни — увидимъ завтра. Я не думаю, чтобы я остался до среды, вѣроятно приѣду во вторникъ, или вечеромъ, или въ среду утромъ.

Какимъ образомъ попадѣтъ Гарибальди во Флоренцію? И надолго ли? Ужъ не сюда ли ѣдетъ? Саша ²⁾ могъ бы явиться къ нему и сказать, что я въ Венеціи, что стремлюсь его видѣть — и не видѣть Онагра. Я боюсь встрѣчи съ нимъ, то-есть съ Гарибальди — по поводу польскихъ сплетенъ ³⁾. Господи. Что за неисправимая нація, я здѣсь встрѣтилъ экземпляръ — удивительнѣйшій. *Lasciate ogni speranza*.

Ты спрашиваешь, продолжаетъ ли Венеція нравиться, я уже писалъ Мейзенбугъ ⁴⁾, что жить здѣсь безумно, но приѣхать

¹⁾ Гюго Шифъ, сынъ нѣмецкаго эмигранта Мориса Шифа, профессора-медика во Флоренціи, съ которымъ Герценъ поддерживалъ дружескія отношенія. Гюго Шифъ неудачно сватался въ 1869 г. къ дочери Герцена Натальѣ Александровнѣ.

^{1а)} Слово не разобрано. Въ дальнѣйшемъ всѣ оставшіяся неразобранными мѣста будутъ обозначаться такъ же — многоточьемъ въ скобкахъ (...).

²⁾ Саша — сынъ Герцена, Александръ Александровичъ (1839-1906), въ то время ассистентъ у проф. Шифа во Флоренціи. Впослѣдствіи (1881-1906) профессоръ физиологій въ Лозаннѣ.

³⁾ Предполагаемая встрѣча съ Гарибальди произошла въ Венеціи черезъ нѣсколько дней. «Сегодня въ шестомъ утра былъ у Гарибальди», писалъ 27 февраля Огареву Герценъ: «онъ обрадовался мнѣ и одного меня расцѣловалъ». Безпокоившія Герцена «польскія сплетни» — опубликованный польскими эмигрантами протестъ противъ статьи Огарева въ «Колоколѣ» (№ 223 за 1866 г.) по поводу экспроприаціи русскихъ правительствомъ помѣщичьихъ земель въ Литвѣ.

⁴⁾ Баронесса Мальвида Амалия фонъ Мейзенбугъ (1816-1903), нѣмецкая писательница, принимавшая участіе въ освободительномъ движеніи своего времени, авторъ трехтомныхъ «Мемуаровъ идеалистки», горячая поклонница и другъ Герцена. Ей Герценъ въ 1853 г. поручилъ, послѣ смерти его жены Натальи Александровны, воспитаніе своихъ дочерей, восьмилѣтней Таты и двухлѣтней Ольги, искорѣ впрочемъ въ виду противодѣйствія со стороны Н. А. Тучковой-Огаревой, прекратившееся (въ 1856 г.). Неудачно затѣмъ сложившаяся семейная жизнь Герцена послѣ его сближенія съ Тучковой-Огаревой привела къ тому, что въ 1862 г. младшая дочь, Ольга, вновь была отдана Мейзенбугъ. Съ тѣхъ поръ О. А. уже постоянно, вплоть до своего заму-

Ех. гр.⁴⁴⁾ осенью, или въ началѣ лѣта на мѣсяцъ, даже ца два, если есть деньги, — очень хорошо. Венеція захватываетъ своей странной красотой и необычайнымъ богатствомъ зданій, своей рѣчной оригинальностью. Венецію, внѣ Венециі, понять нельзя, особенно прошедшую. Она должна была быть аристократической республикой — дворцы и внизу, какъ слизняки льнушіе къ скаламъ, бѣдные, задавленные плебен. Размѣры всего колоссальны, отъ Academia Bella Arti свербитъ въ глазахъ, такъ много. Мелкихъ неудобствъ миллионъ: 1) народъ, искаженный австрійскимъ гнетомъ и туристами, — подло обманываетъ на каждомъ шагѣ; 2) тупое правительство — какъ будто на смѣхъ себѣ — дозволяетъ величайшій сумбуръ въ деньгахъ, — ходятъ деньги серебряныя, австрійскія, ассигнацій тосканскихъ не принимаютъ, промѣнныхъ денегъ, или франковыхъ бумажекъ, почти нѣтъ или не у всѣхъ. Мѣнялы, пользуясь, берутъ франкъ со ста — за маленькія ассигнаціи. Казна не беретъ ничего, кромѣ 5-ти франковъ. — Купцы-нѣмцы, жида-срывщики *vous sarez* хохочутъ и говорятъ: А вотъ во время Австріи деньги ходили просто.

Если Мальвида желаетъ, Вы можете всё сѣздить къ Гарибальди.

При вѣздѣ изъ Венеціи по желѣзной дорогѣ, осмагриваютъ всё чемоданы и ящики — это все противъ табуку, и (...) здѣсь та же.

Если бы я былъ генераль Аугъ⁴⁵⁾, я бы перемѣнилъ все это.

Не поплыветъ ли онъ съ Гарибальди сюда, за этимъ я бы остался день лишній.

Былъ на вечерѣ у книгопродавца Мюнстера (втрое больше всѣхъ Лешеровъ и Бренеровъ у васъ) — все нѣмцы, нѣмцы и для вариациі, нѣмки. Если бы не давали сандвичей, я бы очень скучалъ, къ тому же былъ во фракѣ. NB. Извѣстно ли вамъ, что здѣсь всё картавятъ и пришепетываютъ, что впрочемъ, очень мило.

жества въ 1873 г., жидя съ Мейзенбургъ, горячо къ ней привязавшейся и фактически замѣнившей ей мать.

⁴⁴⁾ Ех. гр., сокращенное *exempli gratia* — наприкладъ.

⁴⁵⁾ Эрнестъ Гаугъ (Haug), эмигрантъ, быв. австрійскій офицеръ, перешедшій во время борьбы итальянцевъ за освобожденіе на сторону Гарибальди. Глубоко преданный Герцену, Гаугъ принималъ горячее участіе въ событіяхъ, связанныхъ съ личной драмой Герцена и его жены Н. А. въ 1851 г. Впослѣдствіи, по неровности своего характера, Гаугъ отдался отъ Герцена.

Письмо Кине ⁶⁾ о нѣмцахъ, chef-d'œuvre, привезу тебѣ.

Отъ Огарева два письма — все забѣдаетъ.

А каковъ Петръ Влад. ⁷⁾?, сынъ его дѣлалъ химическіе опыты, обжогся и сильно — онъ телеграфировалъ въ III отдѣленіе и черезъ нѣсколько часовъ получилъ увѣдомленіе, что «ему лучше». Это прелесть. Какъ же они его боятся. Прошайте, переведите Мальвидѣ письмо. Мопод ⁸⁾ выговоръ за болѣзнь, Levier ⁹⁾ за то, что не починилъ его. Лизѣ ¹⁰⁾ лучше. Съ понедѣльника начиная, ни писемъ, ни газетъ не посылайте, развѣ можетъ по первой почтѣ, то-есть до 12 часовъ утра.

Ольгѣ ¹¹⁾ доношу слѣдующее — ровно въ два (часы на башнѣ бьютъ два чугунныхъ арапа) голуби со всѣхъ сторонъ летятъ на Маркову площадь, закусываютъ и улетаютъ на 24 часа — это очень оригинально. Посылаю ей видъ берега Schiavoni съ нашими отелями. Она увидитъ, что крыса съ крыльями здѣсь спать никому не мѣшаетъ, потому что ее держатъ на столбѣ. Прошайте.

⁶⁾ Эдгаръ Кинэ (1803-1875), извѣстный французскій историкъ, участникъ революціи 1848 г., относившійся къ Герцену съ глубокимъ уваженіемъ и симпатіей.

⁷⁾ Князь Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ (1816-1868), эмигрантъ, авторъ французской книги о Россіи «La vérité sur la Russie». Сотрудничалъ въ «Колоколѣ». Герценъ никогда не былъ близокъ съ нимъ, но считалъ своимъ долгомъ поддерживать его какъ борца за свободу. Герценъ не могъ, разумѣется, знать того, что впоследствии историкъ П. Е. Щеголевъ будетъ съ большой степенью вѣроятности приписывать П. Д. Долгорукову авторство извѣстнаго анонимнаго письма, послужившаго поводомъ для роковой дуэли Пушкина съ Дантесомъ.

⁸⁾ Габріэль Моно (1849-1912), французскій историкъ. Въ 1873 г. женился на дочери Герцена Ольгѣ Александровнѣ:

⁹⁾ Докторъ Левье.

¹⁰⁾ Лиза — дочь Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой (1858-1875). Живая, очень способная, но избалованная и унаслѣдовавшая неуравновѣшенность своей матери, Лиза Герценъ-Огарева погибла трагически, уже послѣ смерти Герцена. Шестнадцатилѣтней дѣвушкой она полюбила человѣка немолодого и семейнаго — Шарля Летурно, извѣстнаго французскаго социолога. Отчаявшись въ возможности счастья, она покончила съ собой во Флоренціи въ 1875 г.

¹¹⁾ Младшая дочь Герцена Ольга Александровна. Род. въ 1850 г. Въ 1873 г. вышла замужъ за Габріэля Моно. Здравствуетъ понынѣ, живетъ во Франціи. См. также примѣчанія 4 и 8.

Вездѣ ли шенокъ Таландые ¹²⁾ гадить — и стала ли брать Ольга уроки у Раз-порту.

1867. 18, понедѣльникъ. Венеція.

Вотъ и въ двухъ шагахъ отъ святого Марка и грѣшнаго льва. Нѣтъ города, который бы такъ поражалъ — наружный видъ до того оригиналенъ, изященъ и великолѣпенъ, что бѣдная Флоренція соулѣе.

Я проспалъ до Болоньи, въ девять былъ уже въ гондолѣ, въ отель де л'Еропъ не нашелъ путной комнаты и отправился въ Alb. reale.

Жаль, что туманъ и сѣрый день. Что же при солнцѣ?

Иду на почту.

Я забылъ мои золотыя пуговицы отъ рубашки, Ольга видѣла, гдѣ онѣ — сыщите и приберите.

Всѣхъ обнимаю и цѣлую.

Видѣть Венецію необходимо, такъ какъ Неаполь — чело-вѣкъ не полонъ безъ этого.

Не знаю, каково жить. Отели дороги и набиты.

21 апрѣля, 1867. Женева.

Письмо ко мнѣ и потомъ, ко мнѣ и Гарегу получены. Ну, что же Саша былъ у Гарибальди? Зачѣмъ онъ во Флоренціи, ужъ эта Марья — славная вонтельница, а его не бережеть, онъ въ парламентѣ можетъ только fiasco сдѣлать.

Моя статья о Венеціи вышла очень хороша — но боюсь печатать — она разсердитъ всѣхъ — Наполеона, Бердушека, Онагра и самого Осипа Ивановича ¹³⁾.

Насчетъ исторіи философій, я тебѣ говорилъ, что серьезной книги ты не одолѣешь, а поверхностное знанье даетъ фальшивую увѣренность и идетъ лучше для внутренней прически, чѣмъ для дѣла.

Есть у васъ мои письма объ изученіи природы и диллетантизмъ въ наукѣ — могу прислать. Попробуй. Разумѣется, я во многомъ ошибался. Перечитай у Гете въ Фаустѣ, что Мефистофель говоритъ студенту о метафизикѣ и Collegium logicum. Ну что жъ ты хочешь дѣлать съ полковнымъ штабъ лекаремъ

¹²⁾ Таландые Альфредъ, французскій литераторъ. Былъ очень привязанъ къ Герцену и пользовался его дружбой.

¹³⁾ «Осипъ Ивановичъ» — такъ Герценъ въ шутку звалъ Джузеппе Гарибальди (а также и Дж. Мадзини). Бердушекъ — знакомый М. Мейзенбургъ. Статья о Венеціи — повидимому «На площади св. Марка», помѣщенная въ № 238 «Колокола» за 1867 г.

Шиллеромъ, за то, что у него донъ-Карлосъ Нѣмецкій студентъ, Фіско студентъ, а студентъ Мооръ — разбойникъ. Шиллеръ былъ великій пропагандистъ и дѣлалъ пропаганду изъ всего. Конечно Шекспира трудно было уличить, что его лица несогласны съ исторіей.

Ищи Гамлета
Ищи Макбета
Ищи Лира.

Гдѣ они? Есть ли портреты, хоть у Фортинбраса.

А если ты хочешь читать историческія драмы Шиллера, то ихъ дѣй и объ chief-d'œuvres: Wilhelm Tell и Wallenstein. Принимайся за нихъ сейчасъ, если прежде ужъ читала, тѣмъ паче.

У насъ тишина, ко мнѣ почти не ходитъ никто. Сегодня иду къ Долгорукову¹⁴⁾, объѣхать 1-ый разъ. Огаревъ съ нимъ не въ ладахъ и онъ все-таки безконечно скученъ. О Ницѣ я тебѣ писалъ подробно, къ концу юня я буду навѣрное тамъ, если ничего не случится, раньше второй половины мая ѣздить нечего, а можетъ и совсѣмъ не придется. Я пространно писалъ тебѣ отсюда, получила ли.

Къ 1-му маю я не съѣду, Банку все равно.

Теперь комиссія:

Я очень серьезно прошу сейчасъ мнѣ отвѣчать на слѣдующее:

1. Саша пусть мнѣ напишетъ рецептъ мази съ iodium, противъ шишки, она опять сильно растетъ и я боюсь, что сорвонаньемъ съ Монбланомъ, сравняетъ ее съ Луи Бланомъ.

2. Чернецкій¹⁵⁾ проситъ, что бы Желѣзновъ¹⁶⁾ ему отвѣчалъ, какъ можно скорѣе, начать ли печатать 2-ой части Вавари (которую я привезъ), у него нѣтъ работы.

3. Тхоржевскій¹⁷⁾ проситъ Аделаидоу или Гаэтану или Коно или Сандрилона изъ Спекулы, написать, въ чемъ секретъ отъ него, что Тата скрываетъ (несмотря на нѣсколько вопросовъ), должна ли она какому башмачнику 18 франковъ.

¹⁴⁾ Долгоруковъ — кн. Петръ Владиміровичъ. см. примѣчаніе 7.

¹⁵⁾ Чернецкій Людвигъ, польскій эмигрантъ. Завѣдовалъ Вольной Русской Типографіей съ самаго ея основанія въ Лондонѣ въ 1853 г., позже — въ Женевѣ.

¹⁶⁾ Желѣзновъ — наборщикъ въ типографіи Герцена.

¹⁷⁾ Тхоржевскій Станиславъ, польскій эмигрантъ, завѣдовавшій издательствомъ Герцена. Былъ своимъ человѣкомъ въ семьѣ Герцена, которой былъ очень преданъ.

Екатерина Александровна Герцена.
Дело А. П. Герцена. Из фотоарх. 1871 г.

4. Не хотите ли что печатать у Черненкаго по французски Ех. гр. (....) онъ беретъ безъ бумаги 57-59 фр. съ листа. Объ этомъ прошу отвѣчать сейчасъ.

У меня Zahn'овъ меньше, вчера выдернули. Я радъ, что и у васъ уѣхалъ Zahn. Меньше нѣмцевъ. Лучшій нѣмецъ Мальвида и единственный. Ихъ ненависть къ славянскому и русскому доходить до комизма.

Что то будетъ послѣ коллизіи Франціи съ Preussen, столкновеенья съ Славянскимъ міромъ неминуемо.

Кланяйтесь Monod, Schiff, Levier, Domangé¹⁸⁾.

Ольга, амазонствуй съ осторожностью. Всѣхъ цѣлую и обнимаю. Здѣсь былъ романъ (....) élément tragique. Когда со-всѣмъ узнаю, напишу.

¹⁸⁾ Доманже Жозефъ, французскій эмигрантъ, дававшій уроки дочерямъ Герцена.

9 мая 1867. Женева.

Тата и Саша,

Я къ вамъ съ короткими письмами, но очень важными. Обдумайте на всѣ стороны, что слѣдуетъ дѣлать.

Недѣли двѣ тому назадъ я получилъ отъ Лугинина ¹⁹⁾ довольно длинное письмо, очень дружеское, печальное — и отвѣчалъ на него. Сегодня онъ пишетъ мнѣ вдругъ, что онъ рѣшился ѣхать во Флоренцію и объясниться рѣшительно съ тобой. Его отецъ прїѣдетъ черезъ два мѣсяца и онъ рѣшилъ возвратиться, въ случаѣ, если ему нѣтъ надежды. Въ Россіи, — отецъ пишетъ, — его сошлютъ, но онъ спасетъ имѣнье. Оставаясь здѣсь, отецъ ему не дастъ ничего, кромѣ 320.000, что за (...).

Я написалъ длинное письмо, сначала, что ты ѣдешь въ Ниццу — что не лучше ли ему писать, предлагалъ самъ писать (хоть и сказалъ, что по моему надежда плоха). Итакъ, на всякій случай, скажи мнѣ всю мысль, все, что на сердцѣ. Подумай съ Сашей и отвѣчай въ ту же минуту. Посовѣтуйся и съ Мальвидой — ей было бы больно, если бы ты не сказала.

Теперь я съ своей стороны скажу въ первый разъ одно слово въ пользу Лугинина — меня больше всего трогаетъ постоянно его чувства къ тебѣ — и глубокая грусть его писемъ. Это съ одной стороны, съ другой безъ взаимной любви двойная нелѣпость. И затѣмъ *liberté complète*.

Когда ты ѣдешь въ Ниццу, я вѣроятно къ 15 июня уѣду отсюда.

¹⁹⁾ Лугининъ Владиміръ Федоровичъ, эмигрантъ, бывш. артиллерійскій офицеръ, примыкавшій къ первой организаціи «Земли и Воли». Помогалъ Герцену въ организаціи доставки его изданій въ Россію. Неоднократно, но безуспѣшно домогался руки Натальи Александровны. Герценъ считалъ Лугинина «честнѣйшимъ, чистѣйшимъ человекомъ, настоящимъ рыцаремъ». Въ 1867 г. Лугининъ получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Россію. Выдающийся ученый, одинъ изъ замѣстнѣйшихъ русскихъ химиковъ. Лугининъ до 1906 г. былъ профессоромъ въ Моск. Университетѣ.

Мечтой Герцена всегда было возвращеніе дѣтей въ Россію съ именемъ, которос я имъ приобрѣлъ. Онъ огорчался, видя, какъ одинъ за другимъ его дѣти уходять въ иностранную среду. «Ты первый отошелъ», писалъ онъ въ 1869 г. сыну, женившемуся на итальянкѣ. «Ольга, по милости Мейзенбургъ, иностранка». Поэтому онъ былъ противъ брака Нат. Алекс. съ нѣмцемъ Г. Шифомъ, а хотѣлъ, чтобы она вышла замужъ за русскаго, — Лугинина или за кн. А. М. Мещерскаго: «ея потерю я буду считать однимъ изъ тяжелыхъ ударовъ».

7 іюня, 1867. Пятница.

Храни это письмо въ тайнѣ.

Милая Тата, твоимъ письмомъ я очень доволенъ и цѣлую за него отъ души. Что ты права насчетъ Лизы, въ этомъ нѣтъ сомнѣнья. Но главное, что надобно, это имѣть вліяніе на Натали ²⁰⁾. Я тебѣ скажу съ полнѣйшей откровенностью — фондъ дурного въ ея натурѣ идетъ изъ двухъ источниковъ: ревность и необузданность. Она можетъ любить людей — и изъ ревности дѣлать надъ ними Богъ знаетъ что. Если бы я не видалъ явно, что главное чувство въ ней — привязанность ко мнѣ (въ какой бы формѣ она ни выражалась) — многое было бы иначе. Если ты можешь настолько побѣдить ее, чтобы имѣть вліяніе на Лизу — это великое дѣло. Но я думаю врядъ ли это нужно теперь оставаться — можетъ лучше возвратиться зимой, если Н. дѣйствительно въ томъ положеніи. Я думаю, что мы, толкуя много о новыхъ воззрѣніяхъ, такіе же старае люди, какъ и тѣ, которые не толкуютъ. Выше всѣхъ насъ головою Огаревъ — и онъ всего дѣльнѣе говорить, что скрывать поздно и глупо (не афишировать и не скрывать).

Я хочу съ тобою быть совершенно откровеннымъ. Когда Огаревъ замѣтилъ у Натали сильную любовь ко мнѣ — ему не пришлось еще сказать слова, какъ она ему все сказала — и тогда же сказала мнѣ. Это былъ поступокъ честный и смѣлый. Огаревъ былъ — такъ всегда безконечно благороденъ — и не имѣя больше съ своей стороны особенной страсти — сказалъ, что онъ свободно передаетъ мнѣ Натали — и остается ея братомъ ²¹⁾.

²⁰⁾ Наталья Алексѣевна Тучкова-Огарева (1829-1913), вторая жена Н. П. Огарева (1814-1877). Въ 1857 г. оставила мужа и сблизилась съ Герценомъ. Ея «Воспоминанія» (наиболѣе полное изданіе — въ серіи «Academia», Ленинградъ, 1929) доведены до 1871 г. Въ 1887 г. она получила разрѣшеніе возвратиться въ Россію. О послѣдующихъ годахъ ея жизни см. статью М. О. Гершензона «Н. А. Огарева» въ «Русской Мысли», 1914 г. кн. 4.

²¹⁾ Повидимому, увлеченію Н. А. Огаревой Герценомъ предшествовать начавшійся еще до пріѣзда въ Лондонъ надломъ въ ея отношеніи къ Огареву. По крайней мѣрѣ, впоследствии (въ 1859 г.), вспоминая это время, она писала Герцену: «Я любила Ог. страстно, но я пріѣхала измученная его себялюбивымъ одиночествомъ, его эгоистическимъ пьянствомъ, которое губило его и унижало меня». Была и еще одна тѣнь на ея семейномъ счастьи съ Огаревымъ: неудовлетворенная жажда материнства: «Отчего не было между мною и человѣкомъ, котораго я такъ страстно любила, того, что такъ нераз-

Все дурное вышло не из этого, а из сумасшедшего нрава и необузданности. Капризы отдалили Огарева, капризы отдали-

рывно спавнпеть и продолжаетъ какую-то серьезную любовь даже и за гробомъ?» — писала она своей сестрѣ Е. А. Сатиной въ 1856 г. «Я не знала этого счастья, но я безумно, въ тайнѣ думала о немъ, желала узнать, выстрадать материнское чувство». Герценъ, какъ только почувствовалъ новый отбѣнокъ, появившійся въ нѣжномъ дружескомъ расположеніи къ нему Н. А. Огаревой, не замедлить предупредить объ этомъ Огарева: «...Я замѣтилъ въ дружбѣ Н. ко мнѣ больше страстности, нежели я бы хотѣлъ», — писалъ онъ ему въ концѣ 1856 г. «Я люблю ее отъ всей души, глубоко, горячо, но это вовсе не страсть, для меня она — ты же, вы оба — моя семья и, прибавивъ дѣтей, — все, что у меня есть. Я сначала отдаляла, она меня не поняла и такъ этимъ огорчена, что я, разумѣется, спѣшилъ утѣшить ее. ...Въ моей чистой близости съ твоей подругой быть для меня новый залогъ нашего трио. Но когда я опять увидѣлъ, что она увлечается, я все это считать результатомъ ея пылкаго характера и непривычки владѣть собой. Наконецъ, она видитъ во мнѣ Наташу, — защитника ея за гробомъ, твоего друга, брата. ...Смѣло, чисто я стою передъ тобой, другъ моей юности, но еще шагъ — и новая привѣсть откроется подъ ногами. Я хочу васъ сохранить себѣ и тебя вамъ... Нѣтъ въ мнѣ силы, страсти, которая бы оторгла тебя отъ меня. Что Н. сильно любитъ меня, это такъ и быть должно, но извѣстный характеръ любви не приходится мнѣ... Въ дальнѣйшемъ Герценъ и самъ поддавался слабости, не устоялъ отъ увлеченія Огаревой, которое потомъ до конца жизни считалъ роковой ошибкой — столько тяжелаго горя принесло оно ему самому, дѣтямъ, Огареву. Вотъ какъ сама Н. А. Огарева пишетъ объ этомъ времени въ своемъ дневникѣ въ 1857 г.: «Когда я прѣѣхала сюда, Н. (Н. А. Герценъ) какъ живая предстала передо мной; вездѣ я ее видѣла... ея дѣти были чѣмъ-то религиозно-дорогимъ для меня и онъ (Герценъ) тоже съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе входилъ въ мою любовь къ Н. ...Я чувствовала, что безконечное чувство любви къ нему захватываетъ меня, сначала я не понимала всего значенія его, потомъ — было поздно. ...Когда я увидѣла, что побѣжденный моей страстной любовью Г. тоже меня полюбилъ, я вдругъ бросилась къ Огареву, разомъ поняла его боль... я ни шагу болѣе не шагнула, не узнавши, какъ О. смотритъ на все. Такъ принять, какъ онъ принялъ, такъ безконечно широко понять, ни одинъ, да, я это смѣло говори, ни одинъ человекъ не могъ бы, онъ это сдѣлалъ съ какимъ-то простодушіемъ, свойственнымъ его нѣжной и широкой натурѣ, и тогда я все поняла и полюбила его еще больше... и я искала его руки, чтобы окончательно побѣдить страстную привязанность къ Г. Но... онъ не хотѣлъ жертвы... Главное страдающее лицо въ этой драмѣ, Огаревъ оказался на наибольшей духовной высотѣ изъ всѣхъ ея участниковъ. Онъ несомнѣнно тяжело переживалъ уходъ жены, но жертвовалъ собою для

ли васъ—страшнѣйшее бѣдствіе въ Парижѣ^{21а)}—все идетъ изъ одного источника. Но Лиза стала тутъ великой связью — и я понималъ мой долгъ къ ней, не одну мягкую, но и жесткую сторону его. Переѣздъ изъ Буассьеры доложилъ новую черту. Огаревъ переѣхалъ въ (...) и вся наша жизнь какъ бусы, у которыхъ шнурки порваны, рассыпалась. Если бѣ кто-нибудь сумѣлъ ихъ собрать. Сумѣй ты.

Береги это письмо. Это моя исповѣдь.

Къ Лугинину теперь писать не стану, я жду еще отвѣта отъ него. Пусть онъ ѣдетъ въ Россію — кажется теперь онъ подойдетъ подѣ амнистію, — потомъ можетъ прѣхать снова съ своими вопросами. Думаешь ли ты, что тогда примешь его предложеніе. Огаревъ полагаетъ, что онъ очень ревнивъ, а почему не знаю. Прощай. Цѣлую тебя какъ ближайшаго друга. Отчего не ѣхать въ Геную на зиму. Мнѣ теперь отъ 1-го іюня до 1-го декабря свободно.

друга, оставаясь братомъ для Н. А. и утѣшаясь мечтой «соединенія трехъ въ одну любовь». И Огаревъ же потомъ, когда увлеченіе Герцена обернулось для него жестокими мученіями, склоненъ былъ еще винить себя въ происшедшемъ: «Мысль, что я незначай внесъ въ твою жизнь страсти и страданія, безъ которыхъ ты былъ бы свѣтлѣе — меня преслѣдуетъ. Почему я не уѣхалъ съ нею?» — писалъ онъ въ 1860 г. Герцену. «...Да не изъ равнодушія ли я допустилъ все, не имѣлъ ли я темнаго чувства, жажды личной свободы?» Сама Н. А. Огарева тогда же вѣрно почувствовала и поняла, что вызванное ею у Герцена чувство не есть подлинная любовь, какою онъ любилъ единственно свою первую жену. «Нѣтъ силъ сознаться себѣ самой, я разила свою жизнь изъ-за призрака, я ошиблась», продолжаетъ она размышлять въ цитированномъ выше дневникѣ. «Герценъ не виноватъ, онъ не любилъ меня, вообще для него любовь дѣло второстепенное, если не меньшее... есть дружба и снисхожденіе, больше же сердце худшей обиды». «Мнѣ вѣтъ холодомъ отъ этой любви; если бѣ я могла пересоздать отношенія... ему это бы воротило свободу, о которой онъ часто и теперь жалѣеть».

21а) Въ 1861 г. у Н. А. Огаревой и Герцена родились близнецы Алексѣй и Елена, или какъ ихъ звали въ семьѣ, Леля-boy и Леля-girl. Н. А. Огарева вкладывала въ материнское чувство къ нимъ, особенно къ Лель-girl, совершенно исключительное, страстное обожаніе. Гибель обонхъ маленькихъ Лелей въ 1864 г. въ Парижѣ — они въ нѣсколько дней были унесены дифтеритомъ — была для Н. А. Огаревой такимъ страшнымъ потрясеніемъ, которое окончательно подорвало ея неустойчивую психику и быть можетъ явилось толчкомъ для душевнаго заболѣванія.

Знай, что ты имѣешь право ѣхать, когда хочешь. Пора бы сдѣлать свиданье съ Ольгой и ей сказать обо всемъ ^{21b)}.

1867, въ Декабрѣ.

Тата (...) — но нѣсколько замѣчаній скажу. Вы очень разсѣиваете силы и средства, это разъ. Другое — я никогда не выбралъ бы для подарка серьги — пустыя вещи, поддерживаютъ пустые вкусы — не лучше было бы купить или материн, или что-нибудь на плечи, но объѣдомъ доволенъ (хоть только завтракаю), но погода ужасная. Бѣгу въ Геную. — О деньгахъ писалъ.

Получилъ длинное посланье отъ Тургенева о Колоколѣ. Онъ противъ, но очень любезенъ ^{21c)}. Вамъ всѣмъ кланяется.

Напомни Домангаю ²²⁾, что онъ хотѣлъ писать возраженье — это для насъ очень полезно. Огаревъ пишетъ, что поляки не ждутъ, то-есть многіе говорятъ, «это вовсе несносно», какъ говорилъ Зонненбергъ ²³⁾.

Получилъ отъ Тхоржевскаго длинное письмо и отъ Огарева извѣщенье, что онъ будетъ писать и что ему некогда — получены и вторыя газеты — а первыя? Что ихъ сжегъ Муций Сцевола, или извела на папильотки (...)? Или ихъ бросилъ

^{21b)} Ольга Александровна Герцень, которой въ то время шелъ уже семнадцатый годъ, оставалась въ невѣдѣніи отношеній ея отца и Н. А. Огаревой. Свое намѣреніе сообщить ей обо всемъ Герцень осуществилъ позднѣе, въ іюль 1868 г.

^{21c)} Рѣчь здѣсь идетъ о французскомъ изданіи «Kolokol», пришедшемъ на свѣтъ прекратившему незадолго передъ тѣмъ (въ іюль 1867 г.) существованіе знаменитому русскому «Колоколу» (1857-1867). Выпуская въ декабрѣ 1867 г. первый номеръ французскаго «Kolokol», Герцень такъ опредѣляя его задачу: «Мы должны быть защитниками нашей Россіи, Россіи надеждъ и юныхъ силъ, передъ судьями стараго міра». Тургеневъ на это писалъ Герцену: «По моему понятію, ни Европа не такъ стара, ни Россія не такъ молода, какъ ты себя представляешь... и никакого за нами «спеціальнаго» новаго слова не предвидится. — Французское изданіе не оживило упавшаго къ этому времени интереса къ «Колоколу». Всего вышло за 1868 г. 15 номеровъ «Kolokol» и 6 русскихъ приложений къ нему; въ 1869 г. — одно «Supplément de Kolokol».

²²⁾ Шутиливое прозвище Доманже. См. прим. 18.

²³⁾ Зонненбергъ Карлъ Ивановичъ, нѣмецъ изъ Ревеля, одинъ изъ приживальщиковъ въ домѣ отца Герцена. «Это вовсе несносно», — обычное выраженіе Зонненберга, когда онъ, выведенный изъ себя придирками И. А. Яковлева, время отъ времени покидалъ свою нелегкую службу у него («Был. и Думы» т. I).

Саша, или ихъ забыла ты — прошу прислать Генуя, до востребованія. Довольно.

Въ утѣшеніе Мейзенбургъ скажи, что и у меня кашель усилился отъ дождя. Сегодня прочищается, то два дня ливня лиль дождь и стояли стѣны тумана. Если въ Генуѣ будетъ такъ же скверно, поѣду можетъ 24 декабря въ Ниццу.

А что скажете о новой (....)? они послѣ тюрьмы сдѣлали опытъ, взорвать что-то въ City. Не хотѣли люди революцію Гарибальди — вотъ имъ идетъ Его-балды (я думаю, ты слышала о бабѣ-Егѣ и о Гаугѣ (...)). Представь себѣ нашъ Савичъ²⁴⁾ и другіе капиталы дрожать — въ своихъ конторахъ.

1867. 18 декабря. Среда. Миланъ.

Кто говорить о Миланѣ, тотъ говорить о соборѣ, но я уже почтенной представительницѣ Гессенъ-Кассель²⁵⁾ на него жаловался — а тебѣ скажу, что я здѣсь видѣлъ превосходную гравюру той картины (....), о которой говорилъ Усп. Дѣйствительно замѣчательно хорошо, въ джиготтовскомъ вкусѣ. Если гдѣ-нибудь въ лавкѣ во Флоренціи есть, постарайся посмотреть. Онъ отошелъ назадъ на нѣсколько вѣковъ, чтобы быть настоящимъ христіанномъ и удалось. Это уже не Овербеку чета и всей компаніи Кранаховъ съ лукомъ и пр. — Иду сегодня въ музей и взглянуть на Леонардо да Винчи вечерю. Затѣмъ пойду въ Scala изгнать Ромео. Гуно и залу и затѣмъ баста. Ничего не хочется смотреть, городъ à propos, шире, богаче и больше Флоренціи — новая галлерей, или пассажъ между соборомъ и la Scala необыкновенно изящна и грандіозна. Вотъ чего требуетъ нашъ вѣкъ отъ зодчихъ (....), такой галлерей и въ Парижѣ нѣтъ.

Письмо Огарева, пересланное тобой, получилъ и изъ Пармѣ тоже, тамъ все готово, а потому я въ пятницу ночью или въ субботу поутру туда поѣду и оттуда въ Геную. Тамъ пробуду дня три — а можетъ и больше. Особенно важнаго туда не посылайте — а лучше прямо въ Ниццу — а тамъ что-нибудь черкните — именно, чтобъ моя безграмотница Ольга написала обо всѣхъ, сверхъ васъ самихъ. Разсчитъ немудренъ.

Письмо это придетъ 19-го утромъ. Если Вы тотчасъ напишете, то я здѣсь или въ Туринѣ получу — если же напишете

²⁴⁾ Савичъ Ив. Ив., братъ Ник. Ив. Савича, члена Кирилло-Мефодіевскаго Общества. Былъ одно время учителемъ дѣтей Герцена. Въдствовавшій вначалѣ, И. И. Савичъ разбогатѣлъ впоследствіи на поставкахъ угля русскимъ пароходамъ.

²⁵⁾ Мальвида Мейзенбургъ.

въ Геную до востребованія, черезъ сутки, то я получу тамъ Газетъ, о которыхъ пишетъ Огаревъ, еще не получалъ. Мое письмо вѣроятно дошло. Затѣмъ всѣмъ бенедикціи и кому слѣдуетъ поклонъ. Огаревъ пишетъ, что уже о Кол. шумятъ. Та-та должна помнить, что ея рожденіе не 25 декабря, а конечно 6 января.

Книгу Наке я прочиталъ — плохо, бѣдно и угловато. Зато смѣло. Я ее пришлю Сашѣ изъ Швейцаріи. Саша, совершенно свободный въ сферѣ науки и теологій, далеко не такъ свободенъ въ понятіи о семьѣ, да и о практической жизни вообще. Наке не сдѣлаетъ переворота, онъ во многомъ вретъ, но расшатаетъ и заставитъ подумать. Мысль, что семья, такъ же, какъ Государство, форма и притомъ необходимая для развитія — но, что она должна быть перейдена, заставляетъ подумать. Книга о работникахъ Бевера — очень полезна, я ее пришлю.

1867, 23 декабря, Генуя, Отель Федеръ.

Я съ 1852 года былъ много разъ въ Генуѣ и никакъ не попадалъ въ тотъ отель, гдѣ былъ тогда съ Тессе и съ Сашей ²⁶⁾. Наконецъ — то добрался до него. Тотъ же корридоръ и старинные переходы, массивныя лѣстницы — чуть ли даже не тѣ же комнаты — въ которой Медичи у меня на постели поймалъ скорпіона (прочти въ «Быломъ и Думахъ», вѣроятно въ той же главѣ, гдѣ объ Орсини ²⁷⁾), къ тому же Записки Орсини такъ и воскресили давно прошедшее. Ты съ Ольгой были тогда въ Парижѣ у Марьи Каспаровны ²⁸⁾. Кстати, записки Орсини я за-

²⁶⁾ Весной 1852 г., потрясенный смертью своей жены Н. А., Герценъ уѣхалъ изъ Ниццы вмѣстѣ съ сыномъ Александромъ въ Геную. Тессе дю Мотэ, французскій эмигрантъ, очень преданный Герцену, сопровождалъ его сюда. Итальянскіе друзья, въ томъ числѣ Медичи и Орсини, соподвижники Гарибальди, окружили Герцена самыми вѣжливыми вниманіемъ. «Нѣсколько недѣль, проведенныхъ съ Медичи въ Генуѣ, сдѣлали мнѣ большое добро», писалъ впоследствии Герценъ («Сб. и Д.» т. III).

²⁷⁾ Орсини, гр. Феличе (1819-1858), итальянскій революціонеръ, соратникъ Гарибальди. Казненъ въ 1858 г. во Франціи послѣ покушенія на Наполеона III, которому мстилъ какъ врагу освобожденія Италіи.

²⁸⁾ Марья Каспаровна Рейхель, урожд. Эрнъ (1823-1916). Въ юности жила въ домѣ отца Герцена, И. А. Яковлева, а затѣмъ въ семьѣ Герцена. Въ 1847 г. вмѣстѣ съ Герценами уѣхала за границу, въ качествѣ воспитательницы Коли, глухонѣмого сына Герцена. Была замужемъ за извѣстнымъ музыкантомъ, Ад. Рейхелемъ. Послѣ смерти

втра вамъ пошло — читайте ихъ съ Ольгой, очень интересны — жаль, что онъ увлекается тогдашней злобой на Мац.

Воздухъ здѣсь мягче — видимо, что насъ балуетъ сыроватый, морской воздухъ и сыроватый на свой манеръ. Въ Миланѣ и Туринѣ безъ огня нельзя было сидѣть; здѣсь я еще не топилъ и кашель кажется уменьшается.

Письма еще ни отъ кого не получилъ — можетъ поѣду завтра или въ Рождество. И море тихо и дилижансы для Рождества пустой — еще не рѣшилъ. А старья-то времена — изъ отеля посылаются паспорта во Флоренцію. Безъ визы рѣшительно не пропускаютъ черезъ французскую границу. *Avant de partir, je vous informerai, et certainement à l'adresse de l'honorable Olga, représentante de Mme Bakoffen.*

Ну что же Мещерскій²⁹⁾ пропалъ?

Если не будетъ конгръ-ордера, пишете въ Ниццу 27 Мнѣ досадно, что я нагружилъ себя туристскими бумажками — это ужасно мѣшаетъ двигаться, франкировать и пр. Надобно лучше прикладывать *papier payé*.

Мальвидѣ поклонъ отъ меня и переводъ отъ васъ.

1867. 27 декабря. Ницца.

Прославши цѣлую ночь на парходѣ, безъ малѣйшей качки я прибылъ въ Ниццу. Свѣтло, ярко и не холодно. Я возвращаюсь къ прошлому письму, что итальянскіе города — памятники, ихъ надобно изучать, уважать, а жить — въ такихъ трактирахъ, какъ Ницца.

Подарки всѣ вручилъ. Лиза хлопочетъ о репетиціи для меня Сандрильоны. Все по старому. Мою кричить, Крафтъ³⁰⁾ стягиваетъ лицо, Висконти³¹⁾ (...).

Казино открыто, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Баварскаго короля... Экой старый шутъ. Завтра возьму билетъ на мѣсяць.

Колоколь франц. идетъ и Георгъ³²⁾ взялъ уже сверхъ

въ 1852 г. Н. А. Герценъ, обѣ дочери ея, Наталья и Ольга, жили первое время у М. К. Дружескія отношенія связывали семью Герцена съ М. К. Рейхель всю ея жизнь (см. М. К. Рейхель «Отрывки изъ воспоминаній». Москва. 1909).

²⁹⁾ Вѣроятно — кн. Александръ Николаевичъ Мещерскій. См. прим. 19.

³⁰⁾ Крафтъ — русскій эмигрантъ, бывш. студентъ, одинъ изъ обвиняемыхъ по процессу 1860 г.

³¹⁾ Книгопродавецъ въ Ниццѣ.

³²⁾ Книгопродавецъ въ Женевѣ.

обыкновеннаго числа 400 экземпляровъ. Виск. все продать бы по дорогѣ и русс. за цѣлый годъ. Засимъ, поздравляю съ Новымъ Годомъ.

Мальвида Филиппевна,

Матушка и Милостивая Государыня — поздравляю Васъ съ Новымъ Годомъ, который вѣроятно будетъ хуже всѣхъ предшествовавшихъ. Читаете-ли Вы объ ужасахъ въ Лондонѣ отъ (...) — Войну ждутъ, почти всѣ. Игнатъевъ еще не назначенъ на мѣсто Горчакова. — Русскихъ здѣсь тысячи. — Посылаю, когда же у васъ подпишутся.

Послѣ обѣда. Всѣ окна открыты, теплый день какъ лѣтомъ, я снова надѣлъ лѣтнее пальто. — Всѣхъ обнимаю, Нефталъ³³⁾ почти совсѣмъ ослѣпъ.

Je charge spécialement Olga de me faire un rapport sur la présentation du (...) Zabiela³⁴⁾ à Schiff, Effel, Speech...

Tu ajouteras mes félicitations. Je salue tout spécialement la petite Schiff — elle a été indisposée, lorsque j'ai quitté Florence.

У Огарева опять невралгія надглазнаго нерва, спроси у Левье рецептъ, нѣтъ ли какого, хинину онъ дуесть, но она не помогаетъ.

1868-й годъ.

17 января, 1868. Пятница. Ницца.

Вчера я послалъ тебѣ Кромвеля. Совѣтую прочесть со вниманьемъ. Особенно послѣднія главы. Все одно и то же. Людей ничѣмъ не научишь. Что за величественныя лица всѣхъ главныхъ участниковъ англійской революціи, что за сила и энергія и возстановленный король шалопай и воришка, дрянъ и папистъ, казнить ихъ и бьеть, какъ мухъ хлопущкой — и стадо народа стоитъ и смотритъ. Человѣчество выработываетъ на миллионъ негодяевъ, разъ въ сто лѣтъ одного порядочнаго человека. Кто же уроды — они, или стадо?

Только, что я дочиталъ Кромвеля, взялъ «Les Derniers Montagnards» — par Jules Claretie.

³³⁾ Доктѣръ Нефталъ, выходець изъ Россіи, познакомившійся съ Герценомъ въ 1861 г. въ Лондонѣ, затѣмъ обосновавшійся въ Америкѣ.

³⁴⁾ Забѣлло Парменъ Петровичъ, скульпторъ, близкій знакомый Герцена. Ему принадлежитъ проектъ памятника, впоследствии поставленнаго на могилѣ Герцена въ Ниццѣ.

Это возмущеніе трехъ преріа (....)⁸⁵⁾ и процесъ Ромма и др. мы читали у Мишло вкратцѣ и это тоже — да совершенно тоже — я и ее пришло. Мишлэ говорить въ концѣ о Ж. Зандѣ. Вѣроятно онъ недоволенъ Колоколомъ. Онъ напечаталъ *La Montagne*. Надобно выписать.

Ницца какъ полная чаша, такого сезона давно не было, да и погода блестящая. Всѣ окна настежь. На променады — толпа въ блескахъ и шелкахъ. Русскихъ бездна. Суворова ходитъ въ бѣлой грузинской одеждѣ въ башлыкѣ на головѣ. Если-бъ не такъ напоминала театръ, то ничего, даже хорошо.

А на-дняхъ Евгенийъ и Владимірова⁸⁶⁾. Вотъ что значитъ молитвы Батанова. У нея разболѣлась грудь и Устиновъ спрашивалъ, какимъ путемъ ее везти во Флоренцію и оттуда на югъ. Я сказалъ Нищей и совѣтывалъ ѣхать въ Пизу. Рекомендовалъ остановиться у Адельгейды и ее предупредить, отъ твоего имени. Помни, что Тхоржевскій на нее жалуется за даризмъ, консерватизмъ и полонофагію. Ты ее пострже прими въ передѣль. Это ничего, что коса длинная, — напротивъ, русская пословица говорить «у бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ». Пусть же она покажетъ, что у нея оба длинные. Будто гдѣ-то на гуляньѣ съ ней поговорилъ Государь — такъ и «очаровалъ» ее. Это zu lakeisch. Вотъ и все.

Въ Россіи новый журналъ «Современное Обозрѣніе» — старый на новый ладъ «Отечест. Записки» — я подписался.

А «Дымъ» прочти, за нимъ остается копоть и чадъ^{36a)}.

⁸⁵⁾ Возмущеніе 3-го Преріаля 1795 г. Роммъ — одинъ изъ шести присужденныхъ къ гильотинѣ «последнихъ монтаньяровъ», заключавшихся стилигомъ при чтеніи судебного приговора.

⁸⁶⁾ Евгенийъ — повидимому Евг. Исаак. Утинъ, одинъ изъ недоброжелательно къ Герцену относившихся молодыхъ эмигрантовъ въ Женевѣ. Владимірова Екатерина — сибѣтская дама, проживавшая за границей и стремившаяся сблизиться съ семьей Герцена. Герценъ не любилъ ее и опасался вреднаго ея вліянія на дочь. Устиновъ — помѣщикъ, женатый на сестрѣ Владиміровой. Батановъ — нижегородскій дворянинъ, арестованный за открытое чтеніе «Колокола» на волжскомъ пароходѣ.

^{36a)} Герценъ весьма неодобрительно отнесся къ новому роману Тургенева и особенно къ тому, что «Дымъ» появился у Каткова въ «Русск. Вѣстникѣ». Дружескія отношенія съ Тургеневымъ не помѣшали Герцену помѣстить въ «Колоколѣ» (майскій номеръ 1868 г.) рѣзкій отзывъ о романѣ: «А дѣды болтаютъ себѣ безъ конца и слызи, да кальянъ покуриваютъ, а продымленную воду сливаютъ въ передникъ Каткову». Тургеневъ добродушно принялъ жесто-

1868. 10, Воскресенье.

Милая Тата,

«Дымъ» мнѣ дѣйствительно не нравится, но въ русской литературѣ Тургеневъ все же не такой доженикъ, чтобы повольительно было не знать его сочиненій. «Кромвеля» вѣроятно ты получила.

Сегодня я пошлю вамъ «Liberté», тамъ для Мальвиды письмо Персиньи³⁷⁾, для Саши о Тессье—а для тебя букетъ, отъ котораго я съ утра прыгаю — это распоряженіе берлинскаго совѣта^{37а)} о высылкѣ всѣхъ поляковъ, которые не представляютъ 1.500 обезпеченія, или не хотятъ натурализоваться и за 800 фр. Я подлѣ мало видѣлъ дѣлъ. Читая это, почувствовалъ, что еще не совсѣмъ состарился. Я выписываю текстъ — ну ужъ заплачу «кобюргерамъ» моимъ. Мошенники.

Завтра должна прѣхать «Владиміровна», какъ ее называетъ Тхорж. — Ольгу цѣлую, она никогда не выйдетъ изъ простуды, если будетъ грѣться своей печью и не выходить, или мало. Очень прошу Мальvidу.

Дѣло маленькой Жираръ^{37б)}—все разыгрывается больше и больше, она умоляетъ ее спасти, хочетъ бѣжать и Богъ знаетъ что. Мать грозить ее запереть. Власть надъ mineur'ами страшная, а ей только 18 лѣтъ. Я долженъ былъ остановить и человеческое чувство и Нат. Хоть бы мать ее отпустила куда-нибудь ѣхать въ Швейцарію — она, то-есть дочь, готова на все. Это кончится тѣмъ, что она однимъ прекраснымъ утромъ бросится въ море. Вотъ изверги-то.

Леони учится — она съ этой Сандрильоной хороша.

Отецъ страдаетъ и не смѣетъ защитить, а маленькій братъ по части шпіонства — доносить матери. Меня это занимаетъ,

кую критику Герцена. «Единственная вещь, которая меня самого грызеть, это мои отношенія съ Катковымъ», писалъ онъ Герцену, и признавался, что его извиненіе — болѣе высокій гонораръ въ «Русск. Вѣсти.» — «не совсѣмъ твердо на ногахъ».

37) Герцогъ Персиньи — въ то время министръ внутр. дѣлъ во Франціи.

37а) Не бернскаго ли? Въ Берлинѣ совѣта не было; и дальше Герцень, принявшій, какъ извѣстно, швейцарское подданство, выражаетъ негодованіе по адресу согражданъ, «кобюргеровъ».

37б) Въ семьѣ Жераръ, знакомыхъ Герцена по Ниццѣ, одна изъ дочерей, Луиза, была нелюбима матерью. Н. А. Огарева очень волновалась по поводу участя «Сандрильоны» и безуспѣшно пыталась ей помочь. Ср. ея «Воспоминанія» гл. XV.

какъ разсѣченъе собаки Шифомъ. До чего человекъ золь и мерзокъ.

Скажи Сашѣ, что Тургеневъ получилъ отъ меня его вторую лекцію — въ восторгѣ онъ всѣмъ доволенъ, емкостью, свѣжестью и пр. Онъ ему и всѣмъ кланяется. Прощайте.

Сейчасъ получилъ отъ Огарева. Смерть Касатк.³⁸⁾ его перевернула и онъ имѣлъ обморокъ на улицѣ. Жена Кас. въ отчаяніи. Онъ вечеромъ здоровый ходилъ въ городъ — легъ спать и не просыпался.

Татъ. 1868. 27 янв. Понедѣльникъ. Ницца.

Вотъ что здѣсь было. Дня четыре тому назадъ, въ' десять часовъ вечера прѣѣхала М-мъ Гар.³⁹⁾ заплаканная съ Нини, — сказала, что съ отцемъ ея, что-то случилось на охотѣ въ Санъ-Ремо, и поскакала съ мужемъ туда — Нини осталась у насъ. Гар. воротился черезъ два дня. Старикъ 60 лѣтъ, въ минуту меланхолиі — застрѣлился. Дочь очень огорчена. Нини мила, смѣется. Лиза все слышала — и не проговорила ни однимъ словомъ (это фамиліная черта насъ всѣхъ и очень хороша).

О Влад. писать больше не хочу, отдѣляйтесь отъ нея. Я ею совершенно недоволенъ. Спроси подробности у Саши и письмо Тхорж. — Требую твердости. Я писалъ Ольгѣ, что фортопьяны ваши общіе — я ихъ купилъ по совѣту Мейзенбургъ для Ольги, но не то, чтобы въ частную ея собственность.

О Германіи я только потому не писалъ — отвѣтъ, — что твое письмо пришло позже, — и я всегда отвѣчаю послѣ второго, а не прежде. Съ Волод. я писалъ. Выдумай планъ, комбинацію, что-нибудь, а то кажется, такъ взять да и ѣхать, въ Каненеленбогенъ или въ Кривинель.

Я Н. предлагаю все же весной (то-есть въ маѣ) ѣхать въ Альзасъ, хоть посмотрѣть школы. Развѣ тогда что-нибудь придумаешь.

Сегодня пишу мало. Лучшее, что можешь сдѣлать съ Влад., возьми выкройку башлыка и сдѣлай себѣ.

Что она скажетъ о голосѣ Ольги? Прощай. До слѣдующаго письма. Напиши что-нибудь Лизѣ, она все ждетъ. Я нахожу,

³⁸⁾ Касаткинъ Викт. Ив., эмигрантъ, одно время (въ 1865 г.) жившій съ семьей Герцена на дачѣ, въ такъ наз. *Côteau de Boissière*, около Женевы.

³⁹⁾ Госпожа Гарибальди, жена двоюроднаго брата Джуз. Гарибальди. Нини — ея дочь.

что она себя ведетъ лучше. У дѣтей бывають полосы, необъяснимыя физиологій.

Романы Ж. Зандъ читать нельзя — скучны.

Татъ. 3 февраля 1868. Ницца.

Не знаю, что за полоса — но всякое письмо начинается у насъ дурною вѣстью. Третьегодни ночью умеръ отецъ Мари Дональди ⁴⁰⁾ отъ аневризма. Онъ былъ боленъ, ему стало лучше и вдругъ умеръ 43 лѣтъ.

Ты такъ неясно пишешь, что я до сихъ поръ не понялъ, гдѣ Тагарин ⁴¹⁾, у вась или на квартирѣ. Напиши, если у вась, я отпишу объ этомъ Устинову.

Страшная исторія съ дѣвочкой Жираръ — продолжается, но что она будетъ дѣлать у Вол. Развѣ только для начала.

Громоръ ⁴²⁾ пишетъ мнѣ, что подрядился издать нѣсколько частей переводовъ съ русскаго для *Biblioth. du Chemin de Fer*. Я предложилъ отрывки изъ Былого и Думы (Сашинъ переводъ) тамъ будутъ (....) рассказы и «Кто виноватъ».

Ольгу цѣлую. Я читалъ съ Лизой «Дѣтство» Толстого, что это за прелесть. Кстати, Лиза на мои глаза много лучше себя ведетъ и мнѣ кажется, что ты не попала въ тактъ, когда была здѣсь. Затѣмъ прошайте. — Я весь распростужень.

J'ai écrit une longue réponse à Michelet ⁴³⁾. S'il m'autorise de l'imprimer — cela sera une bonne fortune. Je me (...) sans polémique. Il n'y a rien de plus ennuyeux que le monologue. Figurez-vous que dans le petit trou de Nice et de Cannes on vend le Kolokol admirablement.

1868. 18 февраля. Вторникъ.

Твоя послѣдняя записочка ко мнѣ, была отъ 5-го февраля. Я съ тѣхъ поръ писалъ, а ты спрашиваешь въ письмѣ Лизѣ, почему я не отвѣчаю. Къ тому же и вопроса не было. Развѣ одно твое письмо пропало?

Далѣ, не могу сказать тебѣ, чтобы быть особенно доволенъ

⁴⁰⁾ Виноторговецъ въ Ниццѣ.

⁴¹⁾ ? — установить не удалось.

⁴²⁾ Громоръ, переводчикъ и издатель по французски русскихъ классиковъ въ Парижѣ.

⁴³⁾ Мишле Жюль (1798-1874), знаменитый французскій историкъ, съ которымъ Герцена связывали давнія дружескія отношенія. Критикъ взглядовъ Мишле на Россію посвящена извѣстная работа Герцена «Русскій Соціализмъ» (1859).

твоей излишней близостью съ Волод., она пустая и дрянная — ты хотѣла быть серьезной. Къ тому же у васъ явился, ей подѣ пару, дряннѣйшій Утинъ⁴⁴⁾ — онъ хуже своего брата, одинъ изъ затаенныхъ враговъ нашихъ. Онъ здѣсь ни разу не былъ у меня — и зашелъ наканунѣ отъѣзда. Я прошу быть очень осторожной съ ними и при немъ. Неужели Мещерскій не раскусилъ его? Что же при всемъ этомъ дѣлаетъ докторъ Герценъ?⁴⁵⁾ (онъ съ мѣсяцъ мнѣ не писалъ).

Отдай ему приложенный отрывокъ изъ *Liberté*. Мнѣ кажется, что Шифъ годъ тому назадъ дѣлалъ подобныя опыты — не мѣшало бы это написать въ *Liberté* — а можетъ для этого надо прочесть весь отчетъ Клода Бернара. Кланяйся кстати Шифамъ. 1-го марта въ Кол. будетъ отъ меня булавка *Temps* — подѣ заглавiемъ *L'imbroglio*.

Отправлены ли деньги за фортепiано (т. е. первая половина) — если нѣтъ, то когда нужно посылать вторую — что дѣлать? Въ маѣ можно послать и все съ вычетомъ у васъ. — Тебѣ я что-нибудь пришлю къ празднику. Начинаю подумывать о Женевѣ. Можетъ лѣтомъ и Н. поѣдетъ.

А что же Ольга тоже не пишетъ? Мейзенбургъ прошу быть здоровой. У насъ здѣсь все идетъ тихо и покойно. Дѣти ходятъ учиться. Мадамъ Гарибальди бонится думать о нашемъ отъѣздѣ, она опять въ Парижѣ. Крупъ, бродящій здѣсь, навелъ тучу.

Если Саша обдосужится, я его прошу написать мнѣ, я его прошу написать подробный рапортъ о вашемъ житьѣ-бытьѣ.

23 февраля 1868. Воскресенье.

Вотъ вамъ мой первый рапортъ объ Огар. — пишу почти слово въ слово, что написалъ въ Ниццу.

На первый случай, бѣда кажется миновала. Огар. свернулъ.

44) Братья Утины, Евгений, Николай и Яковъ Исааковичи, русскiе эмигранты-снигилисты, принадлежавшiе къ молодому поколѣнiю эмиграци въ Женевѣ. Когда въ 1867 г. А. Серно-Соловьевичъ, пѣ то время уже полупомѣшанный и вполнѣдствiя покончившiй самоубiйствомъ, издалъ противъ Герцена злобную и клеветническую брошюру «Наши домашнiя дѣла», Герцену, при посредствѣ бр. Утинныхъ и Николадзе, была предложена сдѣлка: С.-С. готовъ уничтожить брошюру, если ему будетъ уплачена соответствующая сумма. Правда, позже, раскаявшись, С.-С. на колѣняхъ просилъ у Герцена прощениа. Н. Утинъ въ 1877 г. унизиельно просилъ правительство о помилованиа и получилъ разрѣшенiе вернуться въ Россiю.

45) Докторъ Герценъ — сынъ Герцена Александръ Александровичъ.

себѣ ногу и сломалъ кость наз. tibia, онъ долженъ пролежать два мѣсяца неподвижно, и потомъ три лежать просто. Маіоръ ⁴⁶⁾ боится одного — припадка въ первый періодъ. Но для этого принята діета. Levier не нужно.

Теперь о самомъ происшествіи. Съ привычками Огарева и его упрямствомъ предупредить дѣла было невозможно. Онъ постоянно бродилъ по вечерамъ одинъ. 19-го числа онъ былъ у Чернецкаго и въ четверть 11-го пошелъ домой. Чернецкій умолялъ его остаться, хотѣлъ идти съ нимъ — нѣтъ — онъ отказался — вѣроятно, по обыкновенью, онъ завернулъ въ свой кабачекъ — и по дорогѣ домой, возлѣ сумасшедшаго дома — упалъ въ обморокъ. Вставши онъ пошелъ цѣликомъ (....), забрелъ куда-то, запнулся и упалъ — хотѣлъ встать — и не могъ отъ боли. Это было въ 12 часовъ ночи — и онъ пролежалъ же не в с к у ю, февральскую ночь — всю до 7 часовъ утра. Разъ издали шелъ человекъ, тотъ подумалъ, что это сумасшедшій, бѣжавшій изъ больницы, и ушелъ. Наконецъ два итальянца, съ которыми Огаревъ выпивалъ въ кафе, замѣтили что-то на полѣ, привели карету, бросились за Маіоромъ. Когда они подошли къ нему, онъ спокойно курилъ трубку, говоря, что не можетъ встать. Мало этого, онъ рукой разорвалъ по эластикѣ ботинку и снялъ съ больной ноги.

Нравственно онъ совершенно покоенъ — и если бы не боль, онъ опять бы сидѣлъ въ своемъ кабачкѣ.

Тхоржевскій во всемъ этомъ выше всякой похвалы, бѣгалъ по нѣскольку разъ въ Лапсу, распорядился и пр. Онъ спросилъ Маіора — телеграфировать ли — и Маіоръ совѣтовалъ, все приготовить — и при этомъ всегда «въ высочайшей степени» ворчить.

Ну что у васъ, пишите, я пробуду здѣсь дней десять.

Колок. и все въ конфузіи, бездна ошибокъ. Если еще нужно вамъ для подарковъ, напишите. Ольгу цѣлую — прощайте.

Chère Malvida, Faites-vous traduire cette horrible histoire, je suis fatigué — et c'est déjà mon second rapport. C'est le 20, qu'on m'a télégraphié — et le 22 à 4 j'étais déjà à Genève. Addio.

1868. 26 февраля. Среда.

Иалеченье Огар. быстро идетъ впередъ. Маіоръ только дивится его гигантскимъ силамъ и его способности выносить. Онъ говорить, что срокъ, когда ему можно снять бинты, будетъ ско-

⁴⁶⁾ Докторъ Маіоръ, женевскій хирургъ, лечившій Огарева.

рѣе и что мѣсяца черезъ три онъ будетъ становиться на ногу. Хромизны будетъ мало, но останется *gaideur*.

Телеграмму вашу я отдалъ Огареву, разумѣется онъ былъ ею очень тронутъ — до слезъ. Но дѣйствительно теперь ѣздить незачѣмъ. Вотъ развѣ лѣтомъ другое дѣло — мы съ Тхоржевскимъ думаемъ Огарева перевести въ Паки и тамъ найти домъ мѣсяца на три, для того, чтобы и Саша и ты могли приѣхать и Н. съ Лизой (вмѣстѣ или врозь, какъ вы хотите) насчетъ Ольги не знаю — она могла бы можетъ въ это время занять нашу квартиру въ Ниццѣ. Сдѣлай объ этомъ совѣтъ — напишите мнѣ проектъ — а я его здѣсь разберу, въ общемъ собраніи.

Aphorismata

по поводу психіатрической теоріи Д-ра^а медицины и хирургин
С. И. Крупова
сочиненье

Тита Левіафанскаго прозектора и анатоміи адъютанта профессора.

Поступаетъ въ печать, сначала по русски, потомъ по французски ^{16a}). Спроси Шифа — приятно ли ему будетъ, если Титъ Левіафанскій напишетъ: *Dédié au Professeur Maurice Schiff*.

Непремѣнно спроси Желѣзнова, печататъ ли тетрадь, которую онъ далъ мнѣ привезти — и сообщи ему, что я нашелъ въ кассѣ Колокола, какъ говорить Тхоржевскій, 71 франкъ за продажу Вазари.

Отъ Таландые письмо — всѣмъ, всѣмъ кланяется — съ любовью. Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, солища я не видалъ. Хорошо еще, что не очень холодно и бизы нѣтъ. Я встрѣтилъ одного швейцарца, который былъ въ Петербургѣ во время 40-41° мороза по Реомюру — *c'était du progre*.

Теперь вотъ что тебѣ — Тата — я скажу, что я нѣ отвѣчалъ *au projet Volkmar*, потому что принялъ его за *Château en Espagne au bord de la Spose* ^{16b}). Какіе же смыслы, кромѣ желанья двигаться? Какая специальность у тебя, которой особенно соотвѣтствуетъ Берлинъ. Если ты хочешь зани-

^{16a}) Въ 1847 г. въ «Современникѣ» была напечатана повѣсть Герцена «Докторъ Круповъ». «Aphorismata», написанное черезъ 20 лѣтъ (въ 1867 г.) послѣсловіе къ повѣсти, проникнуто характернымъ для настроенія Герцена въ эту эпоху крайнимъ пессимизмомъ.

^{16b}) Вмѣсто *Spose* надо вѣроятно читать *Sprée*: рѣчь идетъ о проектѣ поѣздки Н. А. въ Берлинъ (на рѣкѣ Шпрее).

маться чѣмъ бы то ни было — то еще во Флоренціи и въ вашемъ кругѣ (исключая владимірскихъ утятъ⁴⁷⁾ — пойдеть дѣло. Мало ли какія поѣздки хороши Ex. gr. въ Парижъ и Нью-оркъ. This is my humble opinion. Кстати, въ твоихъ милѣйшихъ письмахъ, ты слишкомъ много употребляешь изъ битыхъ выраженій (то, что я Сашѣ упрекалъ въ произношеніи). Это только безобразить слогъ — надобно быть genuine и говорить своими словами, а не чужими. Вотъ тебѣ и ораторское наставленіе.

Милая Ольга,

Нигдѣ ни Plein, ни Palais, ни № 7, ни Женева, ни Тхоржевскій твоего письма не получили — или ты послала, кто носилъ на почту Аск (....) или Ка (....)?

Напиши еще разъ Лизѣ, она всегда въ восторгѣ отъ писемъ. Объ Ага⁴⁸⁾ ты все знаешь. Прощай. А propos — *Domagé — le plus fécondement stérile* изъ смертныхъ, не хочеть дать статьи, такъ какъ не хотѣлъ возражать Шифу. Но пусть посылаетъ на Мишле, я не хочу печатать эту полемику. Итакъ, требуй его статьи.

1868 въ февралѣ.

Милая Тата,

Твое письмо отъ 17-го получилъ, сегодня 22-ое, то-есть на пятый день, или у васъ лежать они долго — или это странно. Вѣтеръ такой. Ты знаешь, что я съ мнѣньемъ Мальвиды и Саши согласенъ.

• Ты видишь, что не я одинъ о Флоренціи такъ думаю. Я и въ томъ согласенъ, что нѣмецкое движеніе интереснѣе узнать. Но что же можно думать о поѣздкѣ — развѣ лѣтомъ? Я полагаю, что лѣтомъ буду въ Швейцаріи (и Н.) — увидимъ тогда.

Je prie beaucoup Malvida de s'occuper de l'arrangement ultérieur à prendre — pour Mme Volodimiroff — c'est dommage, mais évidemment impossible de rester chez vous sur quoi nous sommes d'accord avec M. Oustinoff.

Въ мартѣ. 1868. 15, суббота.

Любезная Тата, милая Ольга и докторъ Герценъ.

Переписка съ вами очень затруднена отсутствіемъ отъ васъ писемъ — или полученьемъ отъ васъ записочекъ вродѣ Огаревскихъ, въ которыхъ вы извѣщаете о томъ, что писать некогда.

⁴⁷⁾ Владимірова и бр. Утины.

⁴⁸⁾ Такъ звали Н. П. Огарева въ семьѣ Герцена.

Неужели это слѣдствіе пріѣзда Володиміровой? А потому съ письм. прощайте.

Здѣсь умерла русская дѣвочка 9 лѣтъ отъ крупа — и ей дѣлали операцію, да возлѣ умеръ англичанинъ 20 лѣтъ, тоже отъ крупа. Н. испугалась и есть чѣмъ.

Въ Россіи голодъ страшный. Кстати, пишутъ, что я скоро увижу Кельсіева⁴⁰⁾ che cosa che, какъ говорятъ французы. Какъ идетъ Кромвель?

Письмо во Флоренцію 40 сент., а не 30, какъ Тата поставила.

1868. 23 марта, понедѣльникъ.

Милая Тата,

Получилъ отъ Саши сегодня нотификаціи, что онъ 25 или 26 ѣдетъ — и какую-то экспликацію насчетъ худого устройства почтъ вообще и въ отношеніи Левье въ особенности. Если онъ еще во Флоренціи, то скажи ему, что письма, которыя посылаютъ — иногда, и то очень рѣдко (1 на 10.000) пропадаютъ, а тѣ письма, которыя не пишутся, никогда не доходятъ.

Переписка съ Флоренціей тягостна, потому что вы отвѣчаете по заказу, черезъ недѣлю, черезъ двѣ — сейчасъ съ 9 на 10 у Огарева былъ обморокъ.

Я писалъ 11-го

Писалъ 13-го Ольгѣ.

Писалъ 16-го Самѣ.

Наконецъ Саша рѣшился самъ привезти отвѣтъ. А такъ какъ онъ могъ во время не написать, то Левіафанскій явится безъ посвященія Шифу. А Огаревъ напрасно мучился узнать мнѣнне Шифа. Ты видишь, что я гораздо больше довѣряю почтѣ, чѣмъ вамъ, хотя вы и почтенные люди. Поѣздка Саши лѣтомъ была бы лучше. Но бѣды нѣтъ. Отдалъ ли онъ тебѣ 100 фр. не въ счетъ абонеента?

У Огарева черезъ недѣлю послѣ перваго обморока былъ второй, нога опять осталась цѣла. У него сдѣлалось lumbago (колотье въ поясницѣ) и такъ какъ онъ отъ маленькихъ болѣй деморализуетъ столько же, сколько большіи не занимается, то ему и плохо — вѣроятно по лицу, что и третій обмо-

⁴⁰⁾ Кельсіевъ Вас. Ив. (1835-1872), эмигрантъ. Совмѣстно съ Герценомъ издавалъ матеріалы о расколѣ въ Россіи, а также приложене къ «Колоколу» — «Общее Вѣче». Въ 1862-1865 гг. неудачно пытался устроить коммуну среди казаковъ-некрасовцевъ въ Турціи. Въ 1867 г. добровольно отдался русскимъ властямъ. Сотрудничалъ загѣмъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова.

рокъ будетъ не нынче, завтра. Наконецъ Сатинъ⁵⁰⁾ прислалъ ему денегъ 10.000 фр. Посылаю тебѣ портретъ Св. Юста, здѣсь появилось нѣсколько карточекъ съ портретовъ Версальской галереи — революціонныхъ людей 1792 года, въ слѣдующемъ письмѣ будетъ. Ольгу дѣлюю, Мейзенбургъ жму руку. Прощай.

Отъ Огарева записка Сашѣ, я ее оставилъ. Какъ же у васъ понравился Левіафанъ?

2-го апрѣля — 1868. Четвергъ.

Письмо пришло. Я начинаю собираться, вѣроятно 7-го или 8-го уѣду, можетъ и Саша со мной. Завтра мы поднимаемъ Огарева въ первый разъ. Иногда эти вещи и здоровымъ не обходятся безъ обморока. Черезъ недѣлю, онъ будетъ ходить въ комнатѣ на костыляхъ — черезъ мѣсяцъ, можетъ первый разъ выйдетъ. — Въ Женеву тебѣ нѣтъ ни малѣйшаго удобства прѣхать — да и нужды нѣтъ. — Самое лучшее держаться стараго плана — и прѣхать во вторую половину мая въ Ниццу. Потомъ въ Лозанну или въ Эвианъ. — До тѣхъ поръ можно сговориться.

Дѣло Саши рѣшено, остается (...). Сначала онъ будетъ доволенъ, потомъ боюсь многого, помимо денежнаго недостатка. Выучите Терезину⁵¹⁾ поскорѣе по французски, да и танцовать бы слѣдовало.

Да, Тага, мало что-то свѣта впереди. Огаревъ падаетъ силами и все глубже втягивается въ свою душную жизнь, Генри⁵²⁾ принесетъ ему много печали. Саша уйдетъ въ свою се-

⁵⁰⁾ Сатинъ Ник. Мих. (1814-1873), другъ юности Герцена и Огарева, женатый на сестрѣ Н. А. Тучковой-Огаревой. По договору, заключенному въ 1849 г. Сатинъ, за уступленное ему Огаревымъ имѣніе, обязался выплачивать Огареву ежегодно крупную сумму, но условленные платежи производились неаккуратно.

⁵¹⁾ Тереза Феличе (1849-1930 ?), молоденькая (18 л.) работница-итальянка, на которой въ 1868 г. женился Ал. Ал. Герценъ, къ немалому огорченію отца. См. также прим. 56b.

⁵²⁾ Генри — сынъ Мэри Сутерландъ, англичанки, игравшей большую роль въ жизни Огарева, послѣ расхожденія его съ женой. Потрясенный семейной катастрофой, Огаревъ, всегда страдавшій пристрастіемъ къ вину, сталъ чаще пропадать въ кабакахъ. Здѣсь, на лондонскомъ днѣ, произошла въ 1859 г. его встрѣча съ М. Сутерландъ, проституткой... Случайная связь превратилась въ прочную привязанность, дивящуюся до самой смерти Огарева, вырвавшего молодую женщину изъ омута и замѣнившаго отца ей сыну Генри. Мучительную исторію своего сближенія съ М. Сутерландъ Огаревъ съ без-

мѣнную жизнь — тоже не вѣчную... Мнѣ иногда становится страшно за всѣхъ васъ. Куда поѣдетъ Мальвида, въ Спецію, С.-Теренцо?

Пошлю портретъ А. Шенье. Ты напрасно думаешь, что портреты натянуты, они брали тогда эту позу, — кстати съ портретами, какъ идетъ копія съ портрета Ге?

Саша все бѣгаетъ и благодаря разстояніямъ отъ Ланси мы его почти не видимъ. Сегодня онъ пишетъ Фогту⁵³ — мирное предложеніе и вѣрно сдѣлаетъ ему мигрень. Прощай.

пошадной откровенностью повѣдалъ въ письмѣ къ Герцену (1859 г.): «Давно я собираюсь поговорить съ тобою, Герценъ, и все какая-то не могутъ, и не ловко, и стыдно, и языкъ не ворочается. Хочется начать смѣясь и шутливо... и что то претитъ; чувствуется, что шутка сверотится въ серьезъ и комедія выкажетъ свои трагическія черты... Когда N. сказала о любви къ тебѣ, можетъ ты и замѣтилъ, что я не сразу подался... Я на нѣкоторое время увлекся любовью къ тебѣ и къ ней, я повѣрилъ въ мечту соединенія трехъ въ одну любовь... но ревнивый элементъ у нея сталъ брать такой верхъ, что я скоро разубѣдился въ мечтѣ... Разъединеніе началось. Я чувствовалъ себя обиженнымъ въ святая святыхъ сердца... Оскорбленный и измученный, я не зналъ, куда дѣваться, и чѣмъ жестче были отношенія N. къ тебѣ, къ дѣтямъ и скоро ко мнѣ, тѣмъ сильнѣе хотѣлось хоть минуту побыть въ какой нибудь кроткой обстановкѣ жизни, чтобы вздохнуть свободно. Fансу (иллюзія) вѣроятно помогла... я, какъ дуракъ, вѣздая въ погибшее, но милое созданіе. И стыдно, и смѣшно за самого себя... А между тѣмъ, мнѣ хорошо; положимъ, что это все fансу и ложь, а у меня на сердцѣ стало легче... на долго-ли? Мнѣ откликнулось какимъ-то мягкимъ женскимъ обращеніемъ со мной. Больше я ничего и не думаю, любить меня, въ мои лѣта, существу неразвѣтому, съ виду простодушному, хотя тамъ чертъ знаетъ, можетъ и хитрому, невозможно. Въ другомъ письмѣ того же времени Огаревъ повторяетъ: «Видя N. и тебя, видя васъ — я страдаю какъ каторжнѣй, — а тамъ я отдыхаю... Ошибусь — не заплачу, а ребенка спасу — это рѣшено». Совмѣстная жизнь Огарева съ Мэри началась только въ 1865 г. въ Женевѣ. Послѣ смерти Герцена Огаревъ возвратился въ Лондонъ, гдѣ прожилъ съ Мэри до своей кончины въ 1877 г. Мнѣнія о личности Мэри знавшихъ ее не одинаковы. Н. А. Огарева, врядъ ли въ данномъ случаѣ объективная, относилась къ ней рѣзко отрицательно. Т. П. Пассекъ, видѣвшая Мэри въ 1873 г., пишетъ о ней: «Мэри мнѣ понравилась — добрая, простая, она заботилась о постоянно больномъ Никѣ». Переписка Огарева и М. Сутерландъ, опубликованная недавно въ Сов. Россіи («Архивъ Огаревыхъ», Госиздатъ, 1930), свидѣтельствуетъ о ихъ искренней и серьезной взаимной привязанности.

⁵³ Проф. Карлъ Фохтъ, известный нѣмецкій зоологъ; эмигрировалъ въ 1848 г. изъ Германіи; въ Швейцаріи былъ профессоромъ зо-

Прочтите съ большимъ вниманьемъ мою статью въ отвѣтъ Мѣрославскому^{52а}) въ Кол.

Цѣпочку и промѣняю. — Въ Швейцар. (...) 30 сент., а не 40, зато во Францію 40, а не 30.

1868. 28 марта. Суббота.

Ждемъ сего дня въ 9 часовъ вечера Сашу на желѣзной дорогѣ нога идетъ хорошо, Маюръ общаетъ 2-го апрѣля попробовать привстать — затѣмъ костыли — а черезъ мѣсяцъ можетъ и выйти на костыляхъ. Онъ ослабъ, маленькія болѣзни его сердятъ — вообще теперь видно, что силь-таки потрачено. О Сашѣ не заботься, все будетъ, какъ ты писала.

Ну и такъ.

1868. 13 апрѣля, понедѣльникъ. Марсель. Gr. Hôtel Londres.

Вотъ я и въ Парижѣ побывалъ и дѣла всѣ устроилъ и сегодня ночевалъ здѣсь — черезъ два часа ѣду въ Ниццу и буду тамъ около 7-ми часовъ. Нат. все жалуется на болѣзнь, да и на тебя, что ты не пишешь. Съ Волод. она какъ-то подружилась и В. даетъ уроки Лизѣ.

Если ты въ самомъ дѣлѣ Ольгѣ полезна — то врядъ ли нужно тебѣ торопиться. Обдумай все хорошо. Мнѣ жаль, что Саша не хочетъ сдержатъ обѣщанья и ждать до Нового года. Радоваться его судьбѣ я не могу — она ничѣмъ впередъ не обусловлена. И трудно пойдетъ его жизнь именно во Флоренціи. Нельзя же ей бросить своихъ родителей — и все это падетъ Сашѣ на плечи. Но я не вижу больше силъ остановить. Такъ какъ мало ихъ вижу — въ томъ, чтобы остановить житье Огарева и черныя фантазіи Нат. Жизнь трудна, сложна и тому только хорошо, кто вводитъ больше разума въ нее и меньше увлеченій.

ологинъ въ Женевѣ. Его отецъ, профессоръ-медикъ Ад. Фохтъ, былъ профессоромъ въ Бернѣ. Съ семьей Фохтовъ Герценъ всегда поддерживалъ тѣсныя дружескія отношенія.

^{52а}) Мѣрославскій Людвигъ, польскій революціонеръ, участникъ возстаній 1831 и 1863 гг. Въ своей статьѣ («Kolokolъ», апрѣль 1868 г.) Герценъ энергично протестовалъ противъ ложнаго утвержденія Мѣрославскаго, будто въ переговорахъ 1862 г. съ делегатами Варшавскаго Комитета Герценъ и Огаревъ, вмѣстѣ съ Бакунинимъ, согласились принять на себя «верховное руководство польскимъ возстаніемъ».

Мнѣ иногда кажется, что ты на опытѣ докажешь это. На чьей-нибудь судьбѣ надобно бы остановиться съ улыбкой.

Я не совсѣмъ вѣрю, чтобы Ольгѣ очень нужно было одиночество — успѣхи ея (кромѣ музыки, о которой судить не могу) такъ же плохи, какъ и прежде. А такъ какъ Огареву теперь ухоть никакой не нуженъ — то и надобно все обдумать. Нат. только и пишетъ о пансіонѣ, о пансіонѣ — это фантазія. Саша тебѣ, вѣроятно, отдалъ цѣпочку, нравится ли? — Холодъ ужасный и мистраль — вотъ тебѣ и Марсель. — Прощай, цѣлую тебя.

Гартманъ ⁵⁴⁾ кланяется и Степанъ Араго ⁵⁵⁾ тебѣ, въ Парижѣ всѣ были очень милы, наши акціи опять поднялись — благодаря франц. Колоколу.

Я встрѣтился съ Рубинштейномъ ⁵⁶⁾ — онъ въ (...) въ Парижѣ. Ничего, даже выпили за твое здоровье à la gusse.

1868. 20 апрѣля. — Понедѣльникъ.

Милая Тата,

Твое письмо къ Нат. навело меня на разныя думы. Оно показываетъ, что ты не лѣтами, а и духовно вступила въ совершеннѣйшее и начинаешь разсматривать шероховатую сторону жизни. Это понимаешь на тебя кладезь отвѣтственности и потому я былъ правъ, говоря тебѣ въ прошломъ письмѣ, что можетъ на твоей судьбѣ улыбнется намъ свѣтлый закатъ. Дѣло Саша я считаю проиграннымъ — онъ три (а можетъ и больше) раза шелъ на гибель упрямо и притомъ холодно-влюбчивымъ характеромъ. Симптомы были тѣ же — онъ говорилъ съ маленькой, пустой Уриксъ ^{56a)} — такъ какъ Мейзенбургъ объ Оль-

⁵⁴⁾ Гартманъ Морисъ, нѣмецкій писатель и поэтъ.

⁵⁵⁾ Араго Этьеннъ, французскій журналистъ и драматургъ, участникъ революцій 1830 и 1848 гг.

⁵⁶⁾ Или одинъ изъ двухъ братьевъ Рубинштейнъ, знакомыхъ Герцена по Москвѣ еще съ дѣтства, или Ант. Рубинштейнъ, знаменитый пианистъ, также встрѣчавшійся съ Герценомъ въ Парижѣ.

^{56a)} Бракъ А. А. Герцена и Терезы Феличе, оказался, вопреки опасеніямъ отца, прочнымъ, на всю жизнь и, повидимому счастливымъ. Урика — Эмма Урихъ, внучка проф. Ад. Фохта, съ которой А. А. Герценъ познакомился въ Бернѣ въ 1859 г.; но бракъ съ ней, на который Герценъ далъ согласіе скрѣпя сердце, отложенный на годъ, такъ и не состоялся. Кто была Берта — мы не знаемъ. Трагически окончилось увлеченіе А. А. Шарлоттой Гетсонъ, англійской двуш-

гѣ — онъ мнѣ писалъ о Бергѣ, что она геній. Съ Урикой онъ былъ нѣмцемъ и все мѣшанское, нѣмецкое отстаивалъ, съ Бертой — enlightened gentleman и теперь защитникъ массъ и работниковъ — проповѣдующій противъ танцевъ. Какъ миновали Урика и Берга, ты знаешь. Большой надежды на прочность нѣтъ — а когда цѣпь будетъ на шеѣ, она останется. Вотъ, Тата, тутъ и учись, что несчастье почти всегда простое послѣдствіе, люди это называютъ наказаньемъ, — а это просто силлогизмъ. Ты промочила ноги, у тебя насморкъ отъ мокрыхъ ногъ — то пенять нечего и ты виновата передъ собой. Я хотѣлъ остановить Сашу только на время, онъ нашелъ это справедливымъ, а исполнить не хочетъ. Мнѣ страшно, я отворачиваюсь, и не могу, мнѣ это сосетъ подъ ложкой.

Точно такъ — все неустройство жизни моей и Огарева — послѣдствіе, но совсѣмъ иныхъ элементовъ. Для насъ семейная жизнь была на второмъ планѣ, на первомъ наша дѣятельность. Ну и смотри — пропаганда наша удалась, а семейная жизнь пострадала. Избалованные окружающимъ, въ борьбѣ съ міромъ традицій — мы были такъ сказать дерзки, думали, что все сойдетъ съ рукъ, были ужасно самонадѣяны — ну и сорвались — должны были срѣзаться, такъ, или иначе — это неважно. Наприм., Огаревъ могъ не ломать ноги, или сломать руку, но несчастье его совершенно послѣдовательно и чувство этого прибавляетъ къ горечи торечи. Больно мнѣ было слышать отъ Саши обвиненье въ настоящемъ сумбурѣ (и я на его мѣстѣ не сдѣлалъ бы можетъ его) — но онъ правъ. Все это ведетъ къ вопросу — гдѣ же выходъ?

Конечно, одинъ изъ самыхъ натуральныхъ — это если бы ты вышла замужъ — Ольга жила бы съ тобой и мы могли бы

кой, съ которой онъ сблизился въ Лондонѣ въ 1862 г. Послѣ того какъ у Ш. Гетсонъ родился (въ 1864 г.) ребенокъ (Александръ, или Тутсъ, какъ его звали въ семьѣ Герцена, о которомъ будетъ рѣчь дальше) — А. А. охладѣлъ къ ней. Въ годы, къ которымъ относятся эти письма, Тутсъ жилъ въ Женевѣ у Огарева. Сюда въ 1867 г. прѣхала Ш. Гетсонъ; будучи не въ силахъ перенести разрывъ съ А. А., она покончила съ собой, бросившись въ рѣку Рону въ Женевѣ. Тѣло ея, унесенное теченіемъ, было найдено лишь три года спустя, въ 1870 г. Гибели Ш. Гетсонъ Огаревъ посвятилъ свое стихотвореніе, начинающееся строками:

«Безлунною ночью плылъ трупъ по рѣкѣ.
Увязъ, зацѣпившись въ подводномъ пескѣ,
И годы лежалъ онъ на этомъ погостѣ,
Покуда остался голая кость»...

всѣ географически сдвинуться. Но не я стану тебя подталкивать. Если-бъ Нат. рѣшительно и рѣзко хотѣла завести школу въ Швейцаріи — черезъ годъ можно было бы прикнудить къ ней и тебѣ. Но для этого надо психическое сближеніе, котораго нѣтъ. Здоровье Н. плохо, Лиза опять одна и тотчасъ больше шалить. До сихъ поръ ты ей не была полезна и выкинувъ въ дѣло, я виню тебя.

Ты бралась кель тель учить, ходить, — бросила (какъ все, что ты дѣлаешь), забывала и дѣйствовала ироніей. Когда къ этому прибавить раздраженіе Нат., то это почти все, что надо для порчи ребенка. А потому для воспитанья нуженъ тебѣ трудъ самовоспитанья.

Съѣдемся лѣтомъ — пожалуй, позже, въ іюль, августъ — въ Швейцаріи и посмотримъ, что можно. Мнѣ кажется, что во Флоренціи вамъ жить будетъ трудно. Это не конецъ, продолженіе послѣ твоего отвѣта. Прощай.

Р. S. Владимірова оставила мнѣ прекрасную книгу для Ольги о звѣряхъ и тебѣ рубашку, шитую шелками. — Какъ ихъ переслать, не знаю. То-есть книгу-то легко (я ее читаю съ Лизой), но рубашку нѣтъ. Благовъ оставилъ Драпера (Алеф. Бёкль) — тебѣ было бы полезно. — Прочтите вмѣстѣ статью Вельме.

Ольгѣ буду писать слѣдующее письмо. Обнимаю ее. Когда же она начнетъ учиться медицинѣ? Саша могъ бы пригостовлять.

(Окончаніе слѣдуетъ).